

Сергей Николаевич Марков

Подвиг Семена Дежнева

Сергей Николаевич Марков

Подвиг Семена Дежнева

Серия «Люди великой цели»

Scan by Mobb Deep; OCR&Spellcheck by Zavalery

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159290

Марков С. Н. Избранные произведения. В 2-х т. Т. I. Юконский ворон. Летопись Аляски. Люди великой цели. Вступ. статья Юрия Жукова; худож. И. Спасский.: Худож. лит.; М.; 1980

Аннотация

В первый том избранной прозы Сергея Маркова вошли широкоизвестный у нас и за рубежом роман «Юконский ворон» – об исследователе Аляски Лаврентии Загоскине. Примыкающая к роману «Летопись Аляски» – оригинальное научное изыскание истории Русской Америки. Представлена также книга «Люди великой цели», которую составили повести о выдающемся мореходе Семене Дежневе и знаменитых наших путешественниках Пржевальском и Миклухо-Маклае.

Содержание

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ	4
ОБЛИК ЗЕМЛЕПРОХОДЦА	30
СЛОВО ОБ АНИАНЕ	36
В КОЛЫБЕЛИ МОРЕХОДОВ	50
ОТ ИРТЫША ДО ЕНИСЕЯ	55
ПРОСТЫЕ ТРУДЫ	59
МОРСКОЙ ПОЯС	72
ВЕСТИ О «РЫБЬЕМ ЗУБЕ»	78
ОСТРОВА «ЗУБАТЫХ ЛЮДЕЙ»	89
СТРАНА АНАУЛОВ	97
АНАДЫРСКОЕ ЖИТЬЕ	111
ЧЕЛОБИТНЫЕ И ЧЕРТЕЖИ	128
ТОБОЛЬСКИЕ КОСМОГРАФЫ	141
БЕЗВЕСТНАЯ МОГИЛА	149
ПРОЗРЕНИЯ ИВАНА МУСИНА-ПУШКИНА	156

Сергей Марков

Подвиг Семёна Дежнёва (Люди великой цели)

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ (О жизни и творчестве Сергея Маркова)

У Сергея Маркова есть стихотворение «Горячий ветер», датированное 1924 годом; заканчивается оно следующей строфой:

И разве может быть иначе?
Так много ветра и огня, —
Песнь будет шумной и горячей,
Как ноздри рыжего коня...

Думал ли, написав эти строки, восемнадцатилетний юноша, что в них — его творческий манифест, что впереди у него и в самом деле много ветра и огня, что песнь его — своеобразная и упрямая — действительно будет шумной и горячей? Не знаю, но, во всяком случае, эту романтическую направленность таланта Сер-

гея Маркова, с ярко выраженным влечением к красочному и неповторимому отображению действительности, первым уловил зоркий глаз Алексея Максимовича Горького, когда он прочитал в журнале «Сибирские огни» № 3 за 1928 год новеллу «Голубая ящерица», – молодого, почти никому не известного писателя. Она начиналась так:

«Откуда под кустом саксаула появилась ящерица, Чигирисов не знал. Он заметил ее внезапно, взглянув на узловатые бронзовые подножия мертвых кустов.

Камни от жары посинели и стали похожи на разбросанные в беспорядке куски мыла, которым цыгане моют лошадей. Даже шумная тень саксаула, истрепанная горячим ветром, была синей и неуловимой. Но ящерица была голубой, и только вдоль спины ее шла темно-синяя полоса, какая бывает на спине рыбы, если на нее смотреть сверху...»

Богатый образами рассказ о двух беспощадных встречах краскома Чигирисова и вожака белобандитов полковника Роя в песках Средней Азии так понравился Горькому, что летом 1929 года он разыскал Маркова и пригласил к себе в Машков переулок. При встрече Алексей Максимович просто и вместе с тем заинтересованно спросил, нажимая по-волжски на «о»: «Откуда происходить изволите?»

Сергей Марков «изволил происходить» из старин-

ного посада Парфентьева, глухой костромской стороны. Обитателей его издревле прозвали парфянами, жители тамошние тоже «окали». Алексей Максимович тут же припомнил и другого «парфянина» – писателя и путешественника С. В. Максимова, и пошел у них легкий, душевный разговор.

«Мне показалось, – вспоминал впоследствии Марков, – что Горький сознает свое право на безграничную добрую власть над людьми. И я подчинился ей, поведав Горькому о себе все. Когда речь шла о самом страшном и тяжелом для меня, он хмурился и делал вид, что отыскивает па столе футляр для очков...»

А трудного в жизни эту молодого человека было немало. В конце 1919 года его отец, землеустроитель, выбранный после революции мировым судьей, умер в Акмолинске от сыпного тифа, на руках у матери осталось шестеро детей. Старшему из них – Сергею исполнилось едва тринадцать лет. Два года спустя скончалась и мать – от холеры. Осиротев, ребяташки разбрелись по приютам. А Сергей Марков уже с четырнадцати лет начал работать в редакции газеты «Красный вестник» – органе Акмолинского ревкома и Укрепрайона, там были напечатаны его первые стихи «Революция». Служил он и в Упродкоме, и в уездной прокуратуре, и в канцелярии народного следователя.

В 1925 году Марков перебирается в Петропав-

ловск-Акмолинский, куда его пригласили сотрудником в газету «Мир труда».

Позже, во второй половине 20-х годов, уже в Новосибирске, был увлекательный период работы в газете «Советская Сибирь» и журнале «Сибирские огни», вокруг которого в ту пору объединились такие интересные прозаики и поэты, как В. Зазубрин, Л. Сейфуллина, Всеволод Иванов, Леонид Мартынов, Вивин Итин, Александр Оленич-Гнененко и другие.

Очерки, фельетоны, рассказы и стихи Сергея Маркова, пробовавшего свои силы в различных жанрах, появляются не только в периодической печати Сибири, но и в Москве.

Казалось бы – чего лучше? Двери литературы гостеприимно отворялись перед ним. Но его манил к себе в не меньшей степени и черный хлеб репортера, – да, по правде сказать, всех нас тогда привлекала работа, открывающая доступ к несметным россыпям информации. Ведь это было преддверие романтической эпохи первых пятилеток.

Беседуя с Марковым, Алексей Максимович увидел, что перед ним человек с богатым запасом жизненных впечатлений, которые и служат главной опорой в творчество каждого художника. Заканчивая долгий, сердечный разговор, Горький предложил начинающему писателю подготовить рукопись книги рассказов,

пообещав похлопотать об ее издании.

И уже в конце 1929 года появилась первая книга Сергея Маркова – «Голубая ящерица», за ней последовали «Арабские часы» (1931) и «Соленый колодец» (1933).

Произведения, составившие эти три книги, были вызваны к жизни не кратковременными наездами командировочного писателя, а непосредственным кипучим участием в жизни и преобразовании бывшей глухой окраины Российской империи.

Рассказы «Голубая ящерица», «Немеркнущий полумесяц», «Подсолнухи в Париже», «Халат Десяти Светил» отображают события гражданской войны в Казахстане и Средней Азии. Годы становления советской власти, коренные изменения, которые происходили после Октябрьской революции в казахских степях, в жизни аулов, где в то время еще существовали полуфеодалы и баи, царили шаманизм и культ предков, запечатлены в таких рассказах, как «Враг», «Нищий в пустыне», «Соляной дом», «Камень Черного Калмыка». Внимание писателя было привлечено также к истории казахов и других народов Средней Азии, о чем свидетельствуют рассказы «Синие всадники», «Происхождение эпоса» и другие. Таким образом, Сергей Марков оказался среди русских советских писателей (Антон Сорокин, Всеволод Иванов,

ранний Леонид Мартынов), которые первыми обратились к изображению жизни пародов Средней Азии и Казахстана.

Таково было вступление Сергея Маркова в писательскую жизнь. Но впереди была еще уйма трудностей и житейских сложностей – судьба готовила ему множество всяческих сюрпризов, приятных и неприятных. Пожалуй, он бы и сам не смог тогда сказать, что же станет главным в его творческой биографии – поэзия или проза. Да что говорить, он еще не решил для себя окончательно, какую профессию избрет: его интересовало и краеведение, влекли и геологические изыскания, манила и журналистика.

За всем этим были непрестанные скитания по родной стране: Акмолинск и Москва, Омск и Вологда, Караганда и Архангельск, Чимкент и Великий Устюг, Каргополь и Сольвычегодск – всего не счесть!

В газетах «Советская Сибирь» и позже в «Правде Севера» (Архангельск), в северном отделении телеграфного агентства РОСТА, а затем в редакции журнала «Наши достижения», куда Сергея Маркова порекомендовал Горький, ему поручали брать интервью у путешественников, геологов, гидрографов, этнографов, историков. Он встречался и с датским капитаном Ботведом, совершившим кругосветный перелет, и с членами немецкой воздушной экспедиции «Люфт-

Ганза», и с советскими мореплавателями, прокладывавшими пути в неизведанных водах Ледовитого океана, и с бывшим воспитателем тринадцатого по счету далай ламы Тибета бурятом Агваном Доржиевым, и со знаменитым российским этнографом Львом Штернбергом.

Одним из первых Марков опубликовал собранные им уникальные сведения о деятельности выдающегося русского полярного исследователя Н. Бегичева. Довелось ему встречаться и с замечательным ученым, искателем Тунгусского метеорита Л. Куликом. При знакомстве разговор сначала у них не заладился, – Кулик недолюбливал газетчиков, – но потом лед был сломан, молодой журналист и солидный ученый, как выяснилось, в равной степени любили поэзию, и кончилось тем, что они до позднего вечера читали друг другу стихи. Когда же Кулик терпел бедствие в тайге, Сергей Марков со всем пылом, присущим ему, развернул в печати и по радио кампанию по организации помощи его экспедиции.

Молодой Марков брался за самые непредвиденные дела – энергия била в нем, что называется, через край. В 1930 году он по командировке редакции «Наших достижений» поехал в город своей юности – Акмолинск. В тот год строптивая река Нура, единственный источник водоснабжения всего Карагандинского

угольного бассейна, образовала новое русло и ушла, оставив землю и людей без воды. Марков выступил в «Известиях» с проблемной статьей о водоснабжении Центрального Казахстана. Автора пригласили на заседание в Президиум Госплана СССР. Его предложения были одобрены. Правительство отпустило большие средства на борьбу с безводьем этого края.

Позже, уже в 1937 году, Сергей Марков в тех же «Известиях» выдвинул на обсуждение вопрос об использовании мощного пояса горючих сланцев, простирающегося от берегов костромской реки Унжи до Ухты на Севере. В итоге Топливная комиссия Совета Министров СССР включила эти сланцы в топливный баланс страны.

И все же главным содержанием и смыслом жизни этого человека всегда были поэзия и романтическая проза. Многие публиковались. Еще большее число произведений оставалось неопубликованным в ожидании своего часа. Но если поискать в литературной жизни Сергея Маркова момент, который определил главную тему его творчества, то вот он: 1934 год, Вологда – там в сторожке огородника Иванова местным краеведом Л. А. Андриевским был обнаружен архив Российской Американской компании, занимавшейся в XVIII-XIX веках освоением земель Аляски и Калифорнии.

История «Русской Америки», которую мы знали в те годы еще очень мало, интересовала Сергея Маркова давно. Северянин по рождению и воспитанию, он кровными узами был связан с Вологдой, Сольвычегодском, Тотьмой, где жили его предки. Еще в раннем детстве, живя в Вологде, он слышал предания о северных землепроходцах и мореходах, утвердивших русский флаг на Аляске и в Калифорнии. И уже в зрелом возрасте, вновь оказавшись на Севере, он первым из советских журналистов получил доступ к документам, считавшимся безнадежно утерянными. Среди них были бумаги М. М. Булдакова, «первенствующего директора Российско-Американской компании», выходца из Устья Великого и родственника основателя этой Компании – морехода Григория Шелихова. (Именно Шелихов был основателем этой удивительной Компании. Напомню, что на его надгробии в Иркутске высечена эпитафия Гавриила Державина, которая начинается такими словами: «Колумб здесь Русский погребен...»)

Легко представить, с какой жадностью набросился Сергей Марков на эти документы. Читая их, он явно видел перед собой предприимчивых и смелых, легких на подъем русских людей, терпеливо и упорно осваивавших заморский материк.

Когда царское правительство в 1867 году продало

Аляску правительству Соединенных Штатов Америки, следы этого архива затерялись. И вдруг оказалось, что М. М. Булдаков – один из последних представителей компании на Аляске – сумел спасти значительную его часть.

Помню, с каким интересом мы, журналисты «Комсомольской правды», в 30-е годы начавшие уже проявлять интерес к судьбам «Колумбов Росских», восприняли переданное ТАСС из Архангельска сообщение об этой находке. Только несколько лет спустя мы узнали, что автором этого сообщения был Сергей Марков, а вскоре познакомились и с ним самим.

Он появился у нас в редакции как скромный, даже немного застенчивый гость. Незадолго до этого была опубликована в Госполитиздате моя книжечка «Граница», посвященная Дальнему Востоку, где я побывал в составе выездной редакции; мы провели у берегов Тихого океана несколько месяцев – присутствовали на маневрах военного флота, гостили у пограничников, выпускали листовки на стройке Комсомольска-на-Амуре. Все это было чрезвычайно интересно, и хотелось поделиться своими впечатлениями с читателями.

И вот, когда я готовил рукопись книги, попалась мне на глаза изданная в Санкт-Петербурге с разрешения цензора Фрейганга 25 мая 1856 года книжка москов-

ского купца А. Маркова «Русские на Восточном океане», в которой он описывал свое путешествие в Русскую Америку – на Аляску и в Калифорнию. Я не мог отказать себе в искушении привести из этой, казавшейся мне тогда экзотической, книжицы некоторые выдержки и попал, как говорится, впросак: московский купец, видимо, не поладил с правителем дел Российско-Американской компании в американских заселениях каргопольским купцом Александром Барановым и изобразил его в самом неприглядном свете, а я, по молодости лет, принял его писания на веру и сообщил советским читателям, что был-де оный Баранов «пьяницей и головорезом»...

«А зря вы его так-то обозвали, – сказал мне деликатно Сергей Марков. – Выпивать Баранов, возможно, и выпивал, без того в тех дальних краях не обходилось, и на руку подчас тяжел был – не зря, видать, себя он не без гордости именовал «российским Писсарро», но все ж таки роль его в Российской Америке по тем временам была совсем иная, чем обрисовал ее мой лихой московский однофамилец в своей книжке, что вы изволили процитировать...»

И он протянул мне пачку карточек, на которых черной тушью были выведены старинным, но разборчивым почерком аккуратно сделанные выписки из документов, найденных им в архиве М. М. Булдакова. Я

услышал тогда многое об Александре Баранове и его удивительных делах, узнал:

что, отправляясь в Российскую Америку, он подписал обязательство перед правлением Компании: «Ни каких обид не допускать, но изыскивать всевозможные и на человеколюбии основанные средства со всевозможным решением по взаимному доброму согласию, грубых же и в варварских жестокосердных обычаях заматеревших – остерегощать и приводить в познание»;

что под началом у Баранова «на матерой земле и на островах» Америки было около двухсот русских «промышленников» и тысячи креолов – людей, родившихся от смешанных браков с индианками, алеутками и эскимосками, и были среди этих подчиненных, конечно, и такие, что «в варварских жестокосердных обычаях заматерели», и приходилось их при случае «остерегощать и приводить в познание», но подавляющее большинство верой и правдой служило Родине;

что у истоков всего этого огромного замысла освоения девственных заокеанских земель стояли мужественные и благородные деятели – будущие декабристы: правителем канцелярии главного правления Российско-Американской компании был не то иной, как Кондратий Рылеев, в Российскую Америку в 1822 году ездил Михаил Кюхельбекер, живейшее участие в

ее судьбах и делах принимали Николай Бестужев, Завалишин, Пестель, и не случайно царь Николай I, допрашивая участника восстания Ореста Сомова, который тоже участвовал в делах Российско-Американской компании, желчно сказал: «То-то хороша у вас создалась там компания»;

что Александр Баранов, будучи высокообразованным по тем временам человеком, построил на Кадьяке здание библиотеки и туда из Санкт-Петербурга было доставлено много книг, журналов, картин, были там труды Михаила Ломоносова, басни Дмитриева, «Описание Камчатки» Крашенинникова, книги по истории Америки и Азии, «Жизнь Робинзона Крузо, природного англичанина», руководство по металлургии и горному делу, пособия по разным ремеслам, – посещавшие библиотеку эскимосы и алеуты разглядывали электрическую машину, портрет Суворова, картины Жана Батиста Грёза, подростков в школе там обучали не только русскому языку, но и французскому, и не только ремеслу, но и географии и математике;

что русские люди, перебравшиеся через океан, основательно обживали Новый Север, – в столицу Российской Америки Новоархангельск мореходы привезли плоды хлебного дерева из Океании, на Аляске звенело испанское серебро, женщины пекли хлеб из калифорнийской муки, мужчины пили ром и вино из

Чили и Перу и курили табак из Вест-Индии; в Калифорнии красовался русский форт Росс, основанный Иваном Кусковым, и люди его ходили вверх по течению рек, впадавших в залив Святого Франциска, были установлены прочные связи даже с Гавайскими островами, и тамошний король Тамеамеа I подарил Баранову участок плодородной земли;

что Александром Барановым, который был душой всех этих затей и дел, живо интересовался Пушкин – его восхищал этот энергичный русский деятель, который завел в Российской Америке школы, возвел крепости, построил верфи и спускал на воду русские корабли, – якоря и оснастку для них везли на лошадях через всю Сибирь и потом на суденышках через Охотское море из немыслимо далекого по тем временам Кронштадта. И когда этот человек, у которого в жестокой николаевской России было много врагов, был устранен по клеветническому навету со своего поста, остался в нищете и на обратном пути в родной Каргополь скончался на корабле и был погребен в водной пучине Зондского пролива, Пушкин записал в своем дневнике: «Баранов умер. Жаль честного гражданина, умного человека».

Разбирая найденную переписку этого честного гражданина и умного человека, копаясь в архиве Булдакова, отыскивая в Вологде, Устюге Великом, в фон-

дах Северодвинского музея все новые и новые документы той поры, Сергей Марков был одержим невероятным творческим порывом. Отныне, думалось ему, все силы должны быть отданы этому делу; все остальное – даже милая его сердцу поэзия – отходило на второй план. Он задумал создать «Тихоокеанскую картотеку», которая была призвана стать фундаментом, основой его будущих книг.

С поразительным терпением и тщательностью он заполнял одну серию карточек за другой, записывал на плотных листках бумаги краткое содержание найденного документа, существо описанных в них событий, даты и имена. Так создавалась прочная цепь информации, воскрешавшей полузабытую эпоху великих открытий русских людей.

Мы, молодые сотрудники «Комсомольской правды», крепко подружились с Сергеем Марковым, – он, как говорится, пришелся ко двору в нашем веселом, шумном, дружном коллективе, нас всех роднило одухотворенное, романтическое видение событий первых пятилеток – освоение Арктики, дальние, рекордные перелеты, соревнование бетонщиков и каменщиков на стройках, сенсационные открытия советских ученых. И в этой «буче, боевой, кипучей», как выразился активно сотрудничавший еще до нас в «Комсомолке» Владимир Маяковский, нашел свое место и

Марков со своей увлекательной и своеобразной исторической и географической тематикой.

Хорошо помню, как приносил он нам в редакцию лаконичные, всегда поэтичные и яркие сообщения о своих находках. Его глаза сияли: где-то в ветхой деревенской баньке либо в заброшенном архиве Сольвычегодска или Каргополя он только что обнаружил считавшиеся погибшими бумаги о «хождениях» русских мореходов за тридевять морей и тридесять земель; в редком альманахе XVIII века сыскал публикацию, вызвавшую сенсацию у историков; где-то обнаружил целую библиотеку старопечатных книг, содержащих уникальные сведения.

Во второй половине 30-х годов Сергей Марков начал реализовать свои замыслы – он пробует силы в жанре научно-художественной литературы.

Героем своего первого повествования – «Тамо-рус Маклай» – писатель избрал великого русского исследователя Новой Гвинеи и других областей Океании Н. Н. Миклухо-Маклая, проследил жизнь самоотверженного ученого и друга угнетенных народов.

Бесстрашному следопыту Н. М. Пржевальскому, описанию его удивительных походов и открытий на лиловых высотах Тибета посвящена «Повесть о Великом Охотнике».

Обе эти повести – «Тамо-рус Маклай» и «Повесть о

Великом Охотнике» – составили книгу «Люди великой цели», вышедшую в свет в издательстве «Советский писатель» лишь в 1944 году.

Затем он приступает к работе над романом «Юконский ворон», одновременно трудится над «Летописью Аляски» и обдумывает повесть «Подвиг Семена Дежнева».

Роман «Юконский ворон» по достоинству открывает лежащий перед читателем двухтомник избранных произведений Сергея Маркова. Судьба рукописи романа и всей «Тихоокеанской картотеки», созданию которой писатель посвятил долгие годы жизни, поначалу складывалась трагически.

На последней странице «Юконского ворона» вы найдете авторскую датировку «1940-1941 гг. Москва – «Лебедь» – Можайск». Да, Марков завершил этот роман в начале 1941 года, жил и работал он тогда в Можайске. Принес рукопись в редакцию журнала «Знания». Она была одобрена и принята к опубликованию. А затем... Затем грянула война, и вскоре Можайск уже горел от вражеского артиллерийского обстрела.

Семья Марковых эвакуировалась на восток. Сам он стал солдатом. Помнится, мы встретились с ним в редакции «Комсомольской правды». Он достал из кармана помятой шинели, которая сидела на нем не очень-то ловко, листок, на котором были написаны

стихи о Козьме Минине, и попросил их опубликовать.

«Вот, думалось, напечатаю в «Знамени» роман о Российской Америке, – сказал он грустно, – да сейчас, видать, не до этой темы. Пишу опять стихи. Хочется все же думать, что когда-нибудь и роман увидит свет. Вот только сохранится ли рукопись? И где теперь моя картотека – не ведаю. Жена увезла ее с собой, но удастся ли ей под бомбежками уберечь ее?»

Опасения Сергея Маркова подтвердились. Эшелон, в котором ехала его семья, был разбит бомбами. В числе исковерканных вагонов был и тот, в котором находился ящик с «Тихоокеанской картотекой». Разбирая завалы обломков на путях, люди спешили очистить дорогу. И только чудом, в последний момент, жене Маркова удалось найти среди руин писательский архив и водворить его в уже тронувшийся на восток поезд.

Через некоторое время картотеку удалось переправить из Сеймы, где обосновалась семья писателя, в воинскую часть, в которой служил Марков. Но обстоятельства сложились так, что вскоре заболевшего писателя поместили в госпиталь, эвакуировали во Владимир, а затем – в Москву. Картотека была брошена на произвол судьбы.

Помню, как в редакции «Комсомолки» снова появился Марков, – его 33-я запасная стрелковая бри-

гада размещалась неподалеку от нас. На нем, как говорится, лица не было: «Помогите, – тихо сказал он мне усталым голосом. – Помогите спасти мою картотеку...»

Мы знали, что речь идет о деле всей жизни писателя. И как это ни было трудно, – каждый человек был тогда на учете, – в часть командировали сотрудника с заданием – найти и привезти архив писателя в Москву.

И 1943 году Сергей Марков был демобилизован ввиду крайнего физического и нервного истощения. Он поселился в Москве на какой-то временной жилплощади и продолжал писать и приводить в порядок свою картотеку.

А вот рукопись «Юконского ворона», отданная им в начале 1941 года в редакцию «Знамени», как он и опасался, пропало. Но позже выяснилось, что один экземпляр рукописи почему-то оказался в отделе печати существовавшего тогда Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, и после войны она вернулась к автору. Наконец в апреле 1940 года «Юконский ворон» был напечатан в журнале «Сибирские огни», а затем выпущен в свет отдельной книгой в издательстве Главсевморпути. Нынешняя публикация его – девятая по счету в СССР. Кроме того, «Юконский ворон» был издан в Польше, Чехословакии, Юго-

славии, Румынии.

Я не буду сейчас говорить о литературных достоинствах романа. Скажу о другом: это романтическое повествование о героической, полной опасностей и необычайных приключениях жизни бывшего лейтенанта флота Лаврентия Загоскина, чье имя в годы его странствий по Аляске не раз было выжжено на огромных сосновых крестах, которые он ставил в качестве приметных знаков, – само по себе явилось еще одной яркой вехой в творческой биографии писателя. Роман продолжил серию повествований Сергея Маркова о людях сильной и благородной души.

И пусть роман о его главном любимце – Александре Баранове так и остался ненаписанным, – о нем Марков успел лишь бегло рассказать в своей «Летописи Аляски», но все же именно «Тихоокеанская картотека» побудила его на большой творческий подвиг – всю свою жизнь он трудился над созданием образов великих «Колумбов Росских» – первооткрывателей дальних земель.

Не раз возвращался писатель на свою «вторую родину» в просторы Казахстана и в Сибирь. Его привлекали Омск и Семипалатинск, бывший город Верный (Алма-Ата), где можно было отыскать свидетельства пребывания Федора Достоевского и Чокана Валиха-

нова.

Там рождалась книга «Идущие к вершинам» (1963). Она рассказывает о дружбе ссыльного Достоевского с молодым Чоканом Валихановым, потомком казахских ханов, офицером русской армии, ставшим одним из замечательных ученых России.

Чокан совершил опасный поход в Кашгар, преодолев высочайшие перевалы Тянь-Шаня. Он создал ряд научных трудов по истории киргизов (так тогда называли казахов) и других тюрко-язычных народов.

В романе проходит вереница современников Чокана – Петра Семенова (в будущем – Тянь-Шанского), Егора Ковалевского, Григория Потанина, Александра Голубева, Михаила Венюкова и других подвижников русской науки.

Во всех своих работах Марков открывал огромные залежи зачастую неведомого даже специалистам фактического материала.

К тому же он обладал редкостным даром истинно стереоскопического художественного видения. Кажущаяся легкость в изображении пейзажа, облика людей, передача их речи не должны обманывать вас, – за каждой строкой здесь горы кропотливого изучения реальностей былого. И вдобавок к этому врожденная любовь к слову – ведь Сергей Марков не только художник романтической прозы, но и поэт.

Вот характерные для него строки из «Юконского ворона»: «Палисады редута трещали от мороза. В ночной тишине раздавались звуки выстрелов: это лопались листовенничные бревна. И хотя большая русская печь топилась круглые сутки, тепло недолго держалось в жильё. Игольчатый иней светился в углах комнаты и на косяках дверей. Он казался розовым от отблеска жаркого огня в печи...»

«Загоскин любил уходить на берег морской бухты, где, как громадный серебряный молот, стучал и гремел водопад. Маленькие радуги сияли в облаках водяной пыли... Было еще одно место на острове Баранова, куда любил уединяться Загоскин. Нужно было пройти двадцать миль к северу от Новоархангельска, чтобы увидеть высокие столбы пара, встающего над белым холмом. На склоне холма белели бревенчатые хижины, окруженные зелеными кустами и деревьями. Из земли били горячие ключи. Их тепло давало жизнь травам и деревьям; ранней весной, когда кругом еще лежал снег, здесь все было в цвету».

Какое острое, точное видение деталей – эти красочные детали и остановили в свое время взор Алексея Максимовича Горького на рассказах этого своеобразного писателя.

В последующих книгах Сергея Маркова – «Земной круг» (1966) и «Вечные следы» (1973), которые не во-

шли в данный двухтомник, автор, так же как и в других своих произведениях, словно искусный рудознатец, отыскивает совершенно сенсационные факты нашей истории и описывает деяния соотечественников, действительно оставивших вечные следы на карте мира.

Например: знаете ли вы, что еще в XV веке псковитянин Михаил Мисюрь-Мунехин побывал в Каире и описал «Египет, град великий»?

Что уже в XVII веке русские люди познакомились с индонезийцами, а в 1705 году купец Николай Челобитчиков добрался до Малакки «для примечания остиндской коммерции»?

Что в конце XIX века П. А. Тверской из Весьегонского уезда Тверской губернии основал один из первых городов во Флориде, дав ему имя «Санкт-Петербург Флоридский», построил там первую железную дорогу и сам водил паровоз по ней, а русский инженер Рагозин вместе с техниками и рабочими с Кавказа организовал добычу нефти на острове Суматра?

Каплю за каплей собирал этот неутомимый человек обширнейший и ярчайший фактический материал, который позволил ему по-новому взглянуть на историю великих географических открытий, ранее излагавшуюся во многом односторонне и несправедливо: весь мир знал о заслугах иностранных путешественников, ученых и дельцов, а великие подвиги русских перво-

проходцев и мореходов оставались в тени либо в полной безвестности.

Почему так было? Сергей Марков дает на это убедительный и хорошо документированный ответ: российские исследователи мира по большей части были выходцами из «низших слоев» общества, причем чаще всего они исповедовали прогрессивные взгляды. Если говорить, например, об исследовании и освоении Северной Америки, об этом было уже сказано выше, то в этом предприятии принимали участие многие декабристы.

«Добрый русский доктор», первый президент сената Гавайских островов Николай Судзиловский, отдавший много сил борьбе за независимость народа Гавайских островов, был революционером, – ему пришлось бежать из России от преследования царских жандармов в 1874 году. В 1905 году он перебрался в Японию – там он вел работу среди русских пленных, издавал для них газету и снабжал их революционной литературой. В числе его сотрудников был баталер с броненосца «Орел» А. С. Новиков, будущий автор «Цусимы».

Среди героев книги «Вечные следы» есть и такая колоритная фигура, как Василий Мамалыга из Бессарабии, – на парусном судне «Гордость океана» он доставлял порох и свинец борющимся против голланд-

ских колонизаторов повстанцам острова Ломбок в Индонезии и помогал им советами. Колонизаторы захватили Мамалыгу в плен и приговорили его к смертной казни. Протесты голландской общественности вынудили суд заменить русскому моряку смертную казнь двадцатилетним тюремным заключением, впоследствии он был досрочно освобожден. Какой была его дальнейшая судьба – неизвестно. Марков установил, что в 1899 году Мамалыга вернулся в Россию.

Сколько их, безвестных российских людей, прошло по дальним тропам всех шести континентов земного шара, свершая великие географические открытия (лишь один Коцебу на своем «Рюрике» открыл в Тихом океане 399 островов), неся свет цивилизации, высоко держа флаг Родины!

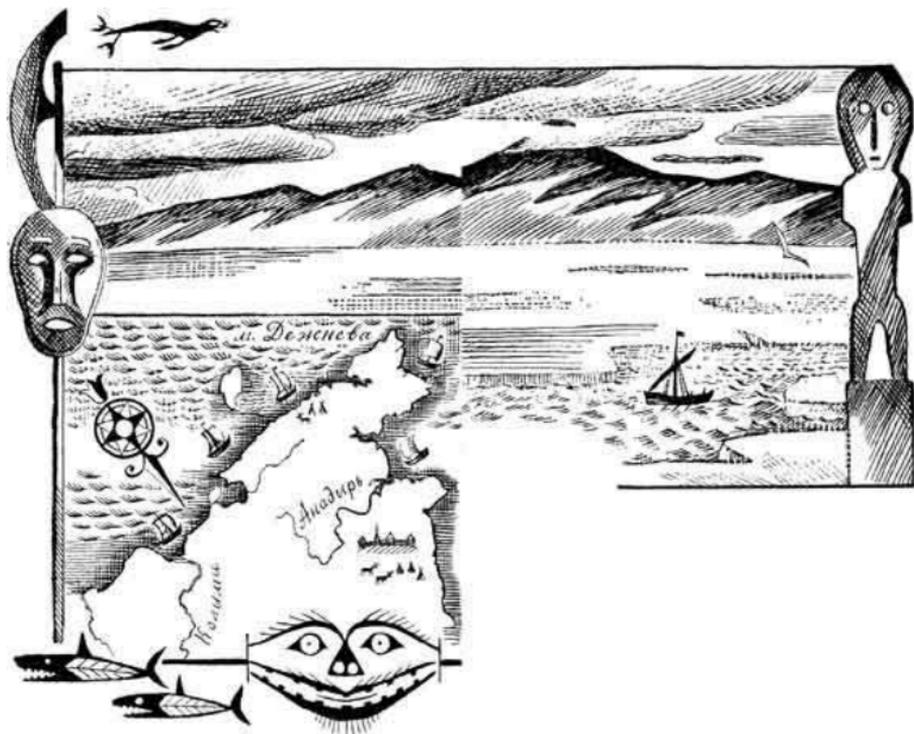
Из книг Сергея Маркова вы узнаете и историю «Васькиного мыса», открытого русскими в глубине Африки на озере Рудольфа, и героическую эпопею защитников Албазина – русской крепости в Забайкалье, атакованной несметным китайским воинством, и многие, наверняка до этого вам неизвестные, детали пребывания русских в Бразилии и Индокитае, Индии и Повой Гвинее, на острове Святой Елены и в Афганистане.

Нет на земле такой точки, которая не была бы овеяна российским флагом, «мерцание Южного Креста и

величественный ледяной огонь северного сияния озаряли паруса русских людей», писал в присущей ему поэтической манере Сергей Марков.

Вечные следы, оставленные мужественными героями книг Маркова, были засыпаны пылью веков, и нужен был величайший труд, чтобы вновь обнаружить их и представить на суд истории. Поиск этот и стал делом всей жизни Сергея Маркова.

Юрий Жуков.

ОБЛИК ЗЕМЛЕПРОХОДЦА

Он идет по тобольским лесам и нескончаемым снегам с тяжелой пищалью за плечами, выданной на время похода из воеводской казны. Он ищет новые соболиные реки, составляет чертежи. На лыжах он пересекает огромные снежные просторы, мчится па мохнатым гнедом коне, ведя второго в поводу, сидит на корме широкой плоскодонной лодки, и над его головой шумит парус из сыромятной кожи. Его подстерегают опасности. Он слышит, как поет, приближаясь к нему, стрела с черными перьями. Он не щадит себя в «съемном» – рукопашном – бою, и раны его под конец многотрудной жизни нельзя сосчитать. Он спит на снегу, кормится чем попало, годами не видит свежего хлеба, часто ест «всякую скверну» и сосновую кору. Ему много лет подряд не платят государева жалованья – денежного, хлебного и соляного. «Поднимаясь» для прииска новых рек и земель, он все покупает на свои деньги, залезая в неоплатные долги, подписывая кабальные грамоты.

Много таких людей начинало свой путь в бессмертие от холма Гледня в Устье Великом. С берегов Сухоны и Юга они прошли на Иртыш, а оттуда на Енисей. Руслиами рек, глухими волоками, гиблой тундрой,

пенистой морской дорогой они пробрались на Лену, Индигирку, Яну и Колыму.

Одного из них, Семенку Дежнева, судьба привела в пролив между двумя материками, к островам, населенным «зубатыми людьми», о которых не знал ни один самый пытливый космограф мира. Именно этому человеку в сермяжном кафтане довелось открыть тайну Аниана, пройти Большой Каменный Нос и по великой скромности своей успокоиться на мысли о том, что им была открыта лишь моржовая отмель для великого прибытка государевой казне. Пусть даже не были бы свершены великие открытия! Достоинно удивления то упорство, с каким наш герой за четверть века скитаний прошел от родного Гледня, откуда как на ладони виден златоглавый Устюг Великий, до того сумрачного морского мыса, который, подобно каменной стреле, устремился в берегу еще неведомой земли.

Сын Русского Поморья достиг крайних восточных пределов страны, а Большой Каменный Нос превратился в ту славную грань, которая как бы подвела итог открытий наших землепроходцев удивительного XVII века.

Кряжистый, бородатый устюжанин, хоть и был грамотен, едва ли знал, что за полтора столетия до него восточное побережье Нового Света было открыто великим водителем каравелл. Дежнев не знал, что се-

верный край Нового Света лежал по левую руку от него, когда коч под кожаным парусом вошел в узкий пролив. Но если он побывал на островах «зубатых людей», то в спокойный, ясный день мог видеть снежный, как бы оскаленный берег той страны, которую ближние потомки называли Большой Землей.

Совершив великое открытие, наш герой продолжал вести жизнь, которую он вел целую четверть века до этого. Он колол длинной железной «спицей» ревущих моржей, собирал окровавленные клыки, бережно хранил дорогую «костяную казну» и считал ясачных соболей.

Принято думать, что даже его современники не знали ничего об открытии 1648 года, одном из величайших в истории познания Земли, – но это далеко не так, о чем расскажут страницы этой книги.

Храбрый и незлобивый, выносливый, как железо, человек с пытливым и ясным умом стал гордостью нашего народа.

Жизнь Дежнева была трудна. Хорошо, что в памятном 1643 году его не было в Якутском остроге, когда Петр Головин, воевода немилостивый, пытал, мучил и жег служилых и промышленных людей. Иначе к ранам, полученным в долгих походах, прибавились бы следы от клещей палача. Такие следы были на широкой спине Семена Шелковникова, Василия Бугра не

раз били батогами, и Ярофея Хабарова воевода Головин тоже мучил в якутской тюрьме. Наш герой был удачливее всех своих товарищей. Мы не находим его в числе жертв пыточного двора, который был с большим знанием дела выстроен Головиным возле двенадцати темниц нового Якутского острога.

Правда, были у Дежнева заклятые обидчики и враги – Михайло Стадухин и Юрий Селиверстов, старавшиеся, как он думал, присвоить себе честь открытия Большого Каменного Носа. От обид Стадухина открывателю Аниана приходилось даже уходить убегом, правда, не куда глаза глядят, а с определенной целью – искать захребетную реку Пенжину. Зато Юрию Селиверстову, старому «ушнику» Головина и любимцу воеводы Францбекова, Дежнев не побоялся сказать в лицо, что он, Юшка, и воевода воры... Это, видимо, вполне соответствовало действительности, ибо тогда даже в Европе ходил слух, что воевода Францбеков, ограбив подвластную ему область, сбежал в Китай.

Когда Юрий, прибыв на Анадырь, требовал выдать ему некоторых служилых, наш герой не подчинился приказу и товарищей своих не отпустил. Более того – он держал у себя на анадырской службе казаков, совершивших в 1647 году дерзкий побег из Якутского острога.

Он жил в век Степана Разина. Дежнев, вероятно,

был свидетелем мангазейского бунта, когда старший воевода сидел в осаде и промышленные люди грозили ему смертью. В год казни Разина Дежнев был в Москве, куда он возил государеву казну. Приехал он на рождество, а перед петровым днем Степан Разин сложил свою голову на Лобном месте, и горячее сердце его бросили собакам. Разин прошел за свою жизнь немалые просторы – от белых стен Соловков в студеном Поморье до синих хвалынских пучин и заводов, где расцветает лотос.

Было где разойтись и показать свои силы русскому человеку в новой суровой стране за «Камнем». На просторах Сибири, в зимовьях, острожках и острогах встречались друг с другом и сборщик пушной дани, и беглый казак, и вологодский пашенный крестьянин, и мезенский зверобой. Русские люди роднились с туземцами. От браков с якутками и тунгусками рождалось крепкое, выносливое племя. Оно уже умело строить русские избы, знало употребление новых орудий труда. В числе служивых сибирских острогов можно было тогда найти «казаков из тунгусов», крещеных «мунгалов», а в Албазино жил даже казак из «никанских мужиков», родившийся в Южном Китае. Все они делили с русскими людьми тяготы «государевой службы». Доблестный Василий Бугор и какой-нибудь «новокрещен» вечно ходили под воеводскими батогами,

и главными врагами их были не юкагиры или якуты, а такие «воеводы немилостивые», как лютый Петр Головин или мирской грабитель Дмитрий Францбеков. Поэтому так часто русские первоначальники в «стране за Камнем» заводили «круги и бунты» или, в надежде на справедливость, сочиняли бесчисленные мирские челобитные о зверствах воевод.

Сведыванье новых земель, гор, рек, соболиных лесов было делом парода. Острая наблюдательность, безграничная отвага, народная сметка отличали этот великий труд. Тимофей Булдаков, числившийся по городским книгам Великого Устюга кузнецом одной из слобод, оставил нам целое сочинение о видах льдов в Студеном море, по которому он плывал на своем коче.

Поразительная точность описаний, предельная сжатость отличают донесения служилых и промышленных людей. В их сочинениях содержатся драгоценные сведения по географии северо-востока, описания жизни десятков племен и народов.

И «князец» Чона, приятель Семена Дежнева, сам не зная о том, несомненно, участвовал в создании начал сибирской географии, когда рассказывал Дежневу и Стадухину о новых великих реках и еще не пройденных волоках...

СЛОВО ОБ АНИАНЕ

Семен Дежнев ничего не читал о загадочном проливе Аниан, будто бы отделяющем Азию от Нового Света. Но прежде чем говорить об Аниане и его частом спутнике – мысе Табин, скажем о том, какие огромные просторы прошел русский народ в сроки поистине удивительные, если началом считать поход Ермака за Урал. А если заглянуть еще в глубь столетий?

Около 1484 года в Рим пришло знаменательное известие. Его прислал бывший член Римской академии Филиппо Каллимах (Буонаккорси), вольнодумец, бежавший в Польшу от гнева папы. Каллимах писал, что русские открыли в северных странах остров величиной больше Крита. Это первое известие о том, что наши предки побывали на Новой Земле. Кстати, в те времена и несколько позже Новой Землей называли также и Шпицберген (Груммант).

Посольский дьяк Григорий Истома еще в 1496 году сплыл по Северной Двине до Белого моря и прошел морем на запад, обогнув Скандинавский полуостров... Скандинавия, Кольский полуостров, Новая Земля, устье Оби... Уже во время Колумба у русских людей рождается мысль, что Ледовитым океаном можно достичь стран Востока. Существует догад-

ка о том, что именно Григорий Истома в 1518 году, будучи в Аугсбурге, показывал тамошним ученым карту полярных стран, утверждая, что северные моря – будущий путь в Восточную Индию.

Григорий Истома знал северный мир от вулканов Исландии, о которых он обмолвился в беседах с Герберштейном, и страшных скал Нордкапа до сказочного золотого истукана, сторожащего устье Оби.

Григорий Истома или Дмитрий Герасимов, как говорят другие исследователи, но в 1518-1525 годах москвит в одежде из собольих мехов развернул перед аугсбургскими космографами драгоценный чертеж Ледовитого моря. Водя по нему пальцем, гость Аугсбурга показывал дорогу к Пряным островам. Дмитрий Герасимов был в Риме первый раз в 1493 году, когда там уже было напечатано первое письмо Колумба о его открытии. Герасимов мог знать о посланнии Колумба.

Когда в 1525 году Герасимов вновь был в Риме, он опять высказал свою мечту о достижении Китая и Пряных островов. Он говорил, что в древности китайцы посещали не только Индию, но и «Золотой Херсонес» в Малакке, куда они привозили собольи меха. Где китайцы брали соболей, как не на берегах Скифского моря? Это показывает, что Китай лежит где-то невдалеке от скифских берегов, говорил Герасимов.

Дмитрий Герасимов, знавший латынь, мог читать творения Птолемея и Помпония Мелы, которые впервые были изданы на латинском языке при жизни «Мити-толмача». Он должен был читать и Энея Сильвия Пикколомини – космографа, восшедшего на папский престол под именем Пия II. Не Дмитрий ли Герасимов перевел в 1523 году на русский язык известие «О Молюкицких островах и иных многих дивных...»? Он должен был слышать о возвращении спутников Магеллана, до него дошла весть об открытии угрюмого Магелланова пролива. И Герасимов в своей пророческой мечте делает свой шаг к странам, обретенным Магелланом. Гений его народа подсказывает выбор пути через северные моря. То, что сообщил Герасимов в Ватикане, было предано печати Павлом Иовием...

Далее начинаются головокружительные вещи: мечта Герасимова, известие о плавании Истомы находят отклик у Себастьяна Каботы, и через два года после выхода в свет книги Иовия два корабля из Бристоля пускаются в поход мимо берегов Северной Тартарии и Китая к «Золотому Херсонесу» – Малакке. Это только начало...

Вскоре рождается загадочный пролив Аниан, незадолго до которого появился и мыс Табин древних землеписателей. Табин, мыс-скиталец, заговорил о себе со страниц первого латинского издания Помпония

Мелы. Древний римский географ говорил, что путь через северный океан приводит в восточное море, мимо земли, обращенной к востоку. За ней, за неизвестными странами и областями, возвышается гора Табин. Она стоит у моря. И Табин сделался путеводным маяком на пути в Пряные страны.

Дмитрий Герасимов пережил Колумба, на памяти Герасимова Новый Свет впервые был назван Америкой. При его жизни над Азией поднялась, как золотая громада, империя Великого Могола. Была открыта Новая Гвинея, аугсбургские купцы захватили Венесуэлу. Дмитрий Герасимов мог еще быть в живых, когда на чертежах мира появился знаменитый Аниан...

Герард Меркатор, как принято считать, первый провел отдельную черту между Азией и Америкой. До него Новый Свет считался сначала островом, северо-восток Азии сближали с «землей Лабрадор». Затем Америку рассматривали как самый восточный полуостров Азии.

Герард Меркатор при составлении ряда своих чертежей пользовался сведениями С. Герберштейна и А. Вида. Они, в свою очередь, получали сведения от русских людей.

Безымянный пролив между Азией и Америкой появляется в базельском издании творений Птолемея в 1540 году. Изображение пра-Аниана было начерта-

но рукой столь знаменитого впоследствии Себастьяна Мюнстера.

Но вот наступает 1562 год, и пролив Аниан рождается уже по-настоящему и получает имя. Колыбелью ему служит карта мира, составленная Джакомо Гастальди. Чертеж этот, как и книжка Гастальди, посвященная описанию Нового Света, давно бесследно утрачены. Академик Л. С. Берг пользовался свидетельствами биографа Гастальди – С. Гранди, знавшего о существовании первой карты, на которую нанесен Аниан¹. Л. С. Берг долго распутывал старинный гордиев узел – вопрос о происхождении Аниана.

«...с непререкаемой очевидностью ясно, что название Аниан заимствовано у Марко Поло, так как оно упоминается в контексте с взятыми у Марко Поло же именами залива Зейнан и страны Манги», – пишет Л. С. Берг в своем замечательном труде. Он же сообщает любопытную подробность. Не успели еще высохнуть чернила первого чертежа Гастальди, как он с похвальным усердием составляет новую карту мира. Но космограф убивает свое детище – *Stretto di Anian*, – только что появившееся на свет! На новой карте венецианца материк Азии изображен соединенным с Америкой. Проходит каких-нибудь четыре года, и Зальтериус снова разделяет Старый и Новый Свет. На карте

¹ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, изд. 3-е, с. 18.

1566 года вновь появляется Stretto di Anian Гастальди.

Через три года на карте всего света Герарда Меркатора красуются Аниан и мыс Табин. В 1570 году Авраам Ортелий на карте Тартарии рисует двухмачтовый корабль. Под всеми парусами он плывет между мысом Табин и Анианом... Табин у Ортелия очень похож на Таймырский полуостров.

Авраам Ортелий помещал Аниан под 60° северной широты.

Люди продолжали искать рубеж между двумя материками – Азией и Америкой. Мартин Фробишер был в полной уверенности, что его корабль «Гавриил» находится в проливе между двумя великими материками. В 1576 году Фробишер зашел в тупик у Баффиновой Земли и возомнил, что по правую руку от него лежит Азия с заветной Индией и Китаем, а налево – Америка. Сильный прилив раскачивал корабль Фробишера, и он подумал, что это мощное течение из Тихого океана. Горьким было разочарование морехода, если к этому еще прибавить известную историю с находкой блестящих камней, принятых им за золото. На Ледовитом океане идут разведки пути, когда-то начертанного Дмитрием Герасимовым. В историю входят плаванья Гудсона, Дэвиса, Баффина...

Немецкий шпион Генрих Штаден, возвратившись из Московии, радушно принят императором Рудоль-

фом, гроссмейстером Немецкого ордена, и Стефаном Баторием. Штаден предлагает захватить весь север Московии. В число выгод, которые последуют от этого, Штаден включает возможность «пройти до Америки и проникнуть внутрь ее». Он уверяет, что проплыть в Америку можно из Оби и этим же путем достичь Китая. Такие сведения Генрих Штаден мог получить только от русских мореходов в годы, когда он шатался по Поморью. В числе русских знакомых Штадена был сборщик ясака на Крайнем Севере Петр Вислоухий.

Индия, Китай, Малакка – такие страны перечислял когда-то Дмитрий Герасимов, указывая «путь между льдами на восток», как сказал потом Ломоносов.

В 70-х годах XVI века русские мореходы сообщают уже о возможности проплыть от берегов Азии к Америке. Штаден поспешил с этой новостью в Европу. В эти годы иноземные мореплаватели жадно расспрашивают русских поморов и «самоедов» о странах к востоку от устья Оби. Мыс Табин продолжает тревожить воображение голландских и английских капитанов. В Европу приходят русские сказания о «Теплом море» за Обью. Это первые вести нашего народа о Тихом океане! Их перехватывают жадные иноземцы. Европа снова говорит об Аниане.

Берега реки, впадающей в Анианский пролив, заросли деревьями. Плоды с них можно снимать круг-

лый год. Свиньи и буйволы пасутся на привольных лугах. При входе в Аниан с северной стороны раскинулась прекрасная гавань, способная вместить до пяти сот вымпелов. Тут стояли корабли с китайскими товарами. Люди, бывшие на кораблях, говорили по-латыни. Они собирались плыть в Архангельск или ганзейские города. Аниан лежит под 60° северной широты. Счисление произведено верно. Разве мог ошибиться опытный космограф, мореход и изобретатель новых приборов для определения координат? Есть рисунки и карты, желающие могут наглядно представить Аниан, каким его видел летом 1577 или 1589 года Лоуренсу Ферреро Мальдонадо, слуга короля Филиппа II.

Мальдонадо «открыл» Аниан, отправившись из Ньюфаундленда на запад вдоль северных берегов Америки. Конечно, были морские бури, холода и полярная тьма, но Мальдонадо был храним своей путеводной звездой. Он достиг Аниана и, вернувшись тем же путем на родину, стал писать отчет о плавании к рубежу Азии и Америки. Мальдонадо морочил и без того больную голову короля Филиппа II, предлагая ему Аниан вроде новой жемчужины в его короне. В проектах Мальдонадо был кое-какой смысл. Он хотел заставить Филиппа снарядить большую экспедицию к границам Азии и Америки и захватить пролив, если он на самом деле существует. Известно, с

каким изуверским упорством Филипп и герцог Альба еще лет за пятнадцать до мнимого похода Мальдонадо, мечтая о мировом господстве, боролись с Московским государством руками немецких князей. Альба, например, помогал чиновникам Германской империи, которые обсуждали предложение Штадена, касавшееся захватов на русском Севере.

Как бы то ни было, а в 1595 году испанский мореход Себастьян Серменьо попытался подняться к северу вдоль западного берега Америки, но дальше теперешней Британской Колумбии пройти не мог.

Из примера с Мальдонадо видно, сколько всяческих небылиц выдумывалось мнимыми открывателями в то время в Европе о загадочном проливе Аниан, разделявшем великие материки.

В существование мыса Табин и Аниана верили Виллем Баренц и его спутники. Во время третьего плавания Баренца к северо-востоку, в январе 1597 года, нидерландские мореходы думали, что Табин лежит в долготе 172° и до него им осталось проплыть восемьсот морских миль. Когда Табин будет обойден, корабли Баренца вступят в воды Аниана, ибо Табин – крайняя оконечность Тартарии. Оттуда морской берег поворачивает к югу. В этом месте и находится пролив Аниан. Так написано у Геррита де Фера, участника двух плаваний для поисков северной морской до-

роги в Китай...

В 1599 году Джузеппе Розаччо из Порденоне закончил очерк всеобщей географии, который должен был войти в венецианское издание Птолемея. Розаччо нанес Аниан на одну из своих карт. Но снова повторилось то, что уже было в самый год рождения Stretto di Anian. Так же, как Гастальди, новый творец Аниана, оставляя пролив на карте мира, убирает его с другой карты! Затем Розаччо погружается в размышления о границах Азии и Европы и проводит этот рубеж на севере по Скифскому морю и мысу Табин. Переходя к Америке, космограф над 60° северной широты делает надпись: «Страны севернее доселе не известны».

Розаччо верит в Аниан, в существование пролива между Старым и Новым Светом, помещает его па карте, но через несколько страниц вновь соединяет материки и именно на месте их слияния ставит заманчивую надпись: «Terra incognita».

Видимо, ученые ждут только подтверждения делом. Кто-то должен представить бесспорные доказательства существования предполагаемого Аниана.

Но испанцы очень медленно движутся вдоль северо-западного берега Америки. В 1602 году Себастьян Вискайно открывает залив Монтерей. Но это только под $36^\circ 40'$ северной широты, и к тому же Вискайно не ставит перед собой цели поисков Аниана. В то вре-

мя русские землепроходцы уже обживали новый город Мангазею.

В 1606 году мыс Табин отрывается от своего излюбленного места, где он пребывал со времен Помпония Мелы, и передвигается к востоку в направлении Аниана. Это сделано было по мановению руки амстердамца Иодока Гондиуса. Гондиус чертил карту открытий Баренца на севере. Она была напечатана в 1611 году. В ней примечательно то, что край азиатской земли сразу же за мысом Табин круто падает в море и превращается в левый берег Аниана. На краю суши, лежащей за Анианом, написано: «Часть Америки».

Так мыс Табин стал рядом со сказочным проливом и определенно превратился в восточную границу Северной Азии.

Лавры Лоуренсу Ферреро Мальдонадо тревожили адмирала де Фонте. Он заявил, что открыл Анианский пролив и прошел по нему из Тихого океана в Гудзонов залив. Аниан не имеет связи с Северной Азией и Ледовитым морем – такой вывод можно было сделать из путешествия де Фонте, которое он будто бы совершил в 1640 году. Но де Фонте выходило, что Аниан располагался где-то в Британской Колумбии. Сто двенадцать лет жила сказка де Фонте о его Аниане, столь чудесно сместившемся так далеко к югу от древнего *Stretto di Anian*. Аниан «открывали» и Жуан де Фук и

другие досужие лжецы. Известный Исаак Масса, нидерландец, проживший несколько лет в Московии, в 1609 году спешил к себе на родину через Великий Устюг и Архангельск. Незадолго до этого он виделся с русским человеком, брат которого был северным землепроходцем. Массе удалось скорее неправдой, чем правдой, снять копию с драгоценного чертежа, на котором русский Север был изображен от Мурмана до Пясины. Масса прекрасно знал, что он делал. Он писал, что не может открыть имени владельца карты, ибо «это стоило бы тому московиту жизни». Прибыв в Нидерланды, Исаак Масса стал добиваться свидания с принцем Морицем Оранским, для того чтобы рассказать все, что он знает о Московии, ее северных морях, о путешествиях землепроходцев. Вскоре Исаак Масса напечатал две статьи о Сибири, с приложением копии русской карты. Масса писал о старинном меховом торге в Устюге Великом и Соли Вычегодской, о завоевании Сибири. Он описывал Енисей и излагал историю замечательного похода русских людей на Пясины, обставляя его сказочными подробностями. Масса рассказывал также о больших исследованиях на Оби и Енисее, близ Ледовитого моря, о подвигах неведомого русского «капитана Луки». Открытия эти были так важны, что доклад о них был представлен в Москву и хранился «среди сокровищ Московского государ-

ства».

«Все же есть основание предполагать, что Америка соединяется около Китая с какой-нибудь из трех частей старого мира, подобно тому, как Африка соединяется с Азией узким перешейком около Красного моря. В самом деле, откуда знают о существовании этого прохода, как не из некоторых сочинений, в которых указано, что он действительно существует...» – писал Исаак Масса².

В то время, когда Масса добивался приема у принца Оранского, в Амстердаме вышла карта третьего путешествия Баренца, и на ней были обозначены пресловутые мыс Табин и пролив Аниан, а за Анианом – Америка! Эту карту Масса и имел в виду, оспаривая существование Аниана.

В 1611 году лекарь Х. Реслин выпустил в Оппенгейме труд о возможности прохода в Индию и Китай северными морями. На своей карте Реслин помещал мысы Табин и Аниан и на основании счастливого знамения – кометы 1572 года – предсказывал успех в деле обретения пути к Китаю и Индии через область морских льдов. В том же году два голландских корабля вышли из Амстердама на северо-восток, но не смогли пробиться через льды, сторожившие запад-

² М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. 1. Иркутск, 1932, с. 261.

ный вход в Карское море. Один из мореходов, Петр Эрц де Ионге, после этой неудачи попал на зимовку «в Америку»(?!), где и был убит туземцами.

Тайгой и просторами тундр движутся широкоплечие, бородатые люди. На сибирских конях, па лыжах и собачьих партах они дошли до Ледовитого океана, сколотили кочи и на них продолжили свой великий путь. Где сомкнется цепь странствий?

Всего за пять лет до начала плавания Дежнева его товарищи из Якутского острога едва не встретились на Тихом океане с посланцами Ван-Димена. В 1643 году корабли с Явы плыли на север, как бы навстречу Василию Пояркову, который в тот год вышел на обречение устья Амура. Голландские мореходы тогда «открыли Америку», посчитав острова Уруп или Симушир за часть Нового Света. Может быть, один из Курильских проливов был принят голландцами за желанный Аниан?

Венеция, Рим, Амстердам, Лиссабон, Мадрид, Лондон жили сказочным Анианом. Карты с изображением *Stretto di Anian*, без сомнения, хранились и в новых испанских владениях в Америке. Но неуклюжий деревянный кит Семена Дежнева оказался быстрее, чем галиоты европейских мореплавателей.

В КОЛЫБЕЛИ МОРЕХОДОВ

Считают, что Семен Иванович Дежнев родился около 1605 года неподалеку от Великого Устюга. Начало этого города восходит к глубокой древности. Великому Устюгу суждено было стать колыбелью русских мореходов и открывателей.

Через Устюг Великий пролегал древний путь новгородцев на Югру. Там, на берегах Волхова, начиналась дорога в далекие страны, там был сделан первый шаг русского человека к Северо-Восточной Азии и Новому Свету. Новгородские ушкуйники не очень ладили с устюжанами, много раз грабили город. Великий Устюг, стоявший на торных путях, подвергался разорениям, набегам разных врагов, моровым язвам. То татары, то князь Василий Косой, известный своим вероломством, то Дмитрий Шемяка, а за ними двиняне, черемисы и вятчане нападали на Устюг Великий, и устюжане едва успевали отбивать набег. Но слава Великого Устюга росла и распространялась по земле. Отсюда, с берегов Сухоны и Юга, в Сибирь устремилась рать Семена Курбского и Петра Ушатого, перевалившая высоты Северного Урала и утвердившая свои знамена над Обью.

Кем был устюжанин Иван Дежнев, отец Семена?

Этого никто не знает, хотя были предположения, что он принадлежал к числу посадских людей. На памяти отца Дежнева в Сибирь двинулись по следу ермаковских дружин устюжане, сольвычегодцы, тотьмичи и лальцы.

В детстве своем Семейка жил, очевидно, в Большом остроге, окруженном стеною с башнями, где обитало все городское население, в том числе и посадские люди. Сверстниками его могли быть Василий Поярков и Михайло Стадухин. Ярофей Хабаров жил тогда где-то неподалеку, в Воложенской волости, и был постарше Дежнева. А моложе всех их был устюжанин Владимир Атласов. Два яруса бойниц возвышались на Спасской и Сретенской башнях Устюжского острога, под ними были проезжие ворота. Близ Спасской башни стояли рядом три тюрьмы – опальная, разбойно-татинная и бражная. Две улицы Гулыни, Вздыхальная улица, Адов переулок близ кабаков, богаделенные избы, государев гостиный двор, три торговых площади, казенная баня у реки – вот из чего слагалась главная часть города. За городской стеною лежали Песья слобода, Леонтьевский конец, Дымково. Дорога в дальние страны лежала на воде, проходила по реке – плавной и величавой Сухоне. Этой дорогой можно было дойти до «златокипящей Мангазеи». Реки, широкие тундры, великий «Камень», река Обь – и

вот уже взору путника открыто новое Сибирское царство. Обью можно плыть в Березов, и на Тобольск, и к чудесной Мангазейской земле. Этой дорогой, длинна которой составляла три тысячи верст, пришлось пройти Семену Дежневу. Опять-таки неизвестно, когда Дежнев пустился в свой первый дальний путь. Где он был «прибран» в казаки, чтоб стать в ряды тобольских служилых людей? Эти люди, которые потом стали его друзьями-соратниками, появились в Сибири в 30-х годах. О Петре Бекетове было слышно уже в 1627 году, когда он первым из русских людей проплыл по Ангаре, причем он и его спутники перетаскивали на руках лодки через пенистые пороги. В 1628 году устюжанин Ярофей Хабаров был в Мангазее и на Пяси-не целовальником при ясачном сборщике. В то самое время столь знаменитый в будущем Василий Бугор с десятью такими, как он, удальцами вышел на лыжах из ворот Енисейского острога и достиг реки Лены. В одно время с Бугром некий Пенда прошел туруханскими землями на Нижнюю Тунгуску, выбрался на Лену и сплыл по ней до того места, где потом вырос Якутск. Потом Пенда вернулся, поднялся по Лене до ее верховьев, пошел Братской степью к Ангаре и оттуда сплыл на судах в Туруханск. Сорок туруханских служилых сопровождали Пенду в этом походе.

...Еще в 30-х годах Семен Дежнев должен был

встречаться в Сибири и со своим земляком – Василием Федотовым Гусельниковым, по прозвищу «Скорая Запись». В то время Василий Скорая Запись не был таким богатеем, каким он прослыл впоследствии, когда помогал деньгами и людьми мореходам, снаряжавшим плаванья на Северо-Восток. Скорая Запись происходил из устюжских мужиков, и родился он в деревне Омельяновской, что на Юрьевом наволоке. В 1629 году разбойники разграбили и сожгли родовое гнездо Гусельниковых, и Скорая Запись пошел на заработки в Сибирь, приказчиком московского купца Афанасия Левашева. Василий Федотов Гусельников появляется в соболиных краях, и вскоре его хорошо знает вся Мангазея как опытного торгового человека. О Василии Скорой Записи много сказано в статье профессора С. В. Бахрушина «Торговые крестьяне в XVII веке» (РАНИОН, Институт истории, Ученые записки, т. V, 1929, с. 246 и др.). С. В. Бахрушин установил год смерти Василия Федотова Гусельникова (1654). Скорая Запись умер «у государевых дел», купчиной торговой сотни. Перед смертью Гусельников принял имя Вассиана, постригшись в монахи. Афанасий и Гурий, братья Скорой Записи, тоже бывали в Сибири, возили в Мангазею хлебные запасы, скупали соболей. У них были свои морские кочи. Гусельниковы должны были знать Дежнева, Хабарова, Стадухина и других устю-

жан, своих земляков, еще с 30-х годов.

ОТ ИРТЫША ДО ЕНИСЕЯ

В Тобольске, где сначала служил Дежнев, в годы воеводства Юрия Сулешова был открыт богаделенный дом для старослужилых людей. В нем призревали отставных и увечных воинов, служивших под знаменами Ермака. Не там ли покрытые старыми ранами дружинники составляли первое летописное сказание о «сибирском взятии»?

При Юрии Сулешове впервые «обновлялась» и устраивалась сибирская земля, вырастали новые города, острожки и остроги. Дежнев, Хабаров, Василий Бугор и другие были теми людьми, которые пришли на смену старым ермаковцам и подвигом утвердили их нелегкое дело.

В 1638 году Семен Дежнев перешел из Енисейска в новый Ленский острог.

Сколько времени Дежнев пробыл в Енисейске, неизвестно. Енисейский острог был основан в 1618 году, и строили его боярский сын Албычев и сотник Рукин. Палисад с тремя башнями вначале окружал простое зимовье на берегу синей реки, но года через три здесь вырос острог. Первым воеводой Енисейска был Яков Хрипунов, искатель серебряных руд.

«При сем воеводе нача проводываться Якутская

земля и великая река Лена... А многие тамошние земли проведаль Ярофей Хабаров...» – писали современники.

Первыми жителями Енисейска были устюжане и «зыряне», которые считались мастерами по части поисков железной руды. В 1630 году Михайло Стадухин был в Енисейске, там же жили Парфен Ходырев и Василий Бугор. В это время мангазейские казаки привезли с Лены две тысячи собольих шкур. И тогда Михайло Стадухин в поисках нового верного прибытка перешел с Енисея на Лену в отряде Парфена Ходырева. Не с ними ли тогда ходил Семен Дежнев? Ведь Парфен Ходырев был начальником Дежнева наравне с Петром Бекетовым, а старшим над ними был атаман енисейских казаков Иван Галкин. Парфен Ходырев, судя по фамилии природный устюжанин, продолжив дело Василия Бугра, занял Лену. В 1632 году Бекетов или Иван Галкин, а может быть, оба вместе, основали Ленский острожек, впоследствии Якутский острог. С тех пор эта крепость перешла в руки енисейских казаков. Находясь в Енисейске, Семен Дежнев до своего прихода в Якутск мог бывать во многих походах енисейских казаков. Так, Посник Иванов в 1633 году ходил «на новое место», на Виллюй, для «прииску неясачных тунгусов», Василий Бугор в 1635-1636 годах проходил «Братскую землю», поднимался вверх

по Ангаре до устья Уды. Как бы то ни было, Парфен Ходырев в 1636 году был назначен начальником Ленского острожка, на смену Ивану Галкину. Петр Бекетов находился в это время на Олекме. Дежнев писал, что пришел в Ленский острожек с енисейским отрядом Бекетова в 1638 году. Значит, Дежнев два года бродил с бекетовским отрядом по новым землям, которыми должны были ведать казаки Ленского острожка. Новый ленский ясак свозили тогда еще в Мангазею, строгих границ для сбора «мягкой рухляди» не было установлено. Вот почему были случаи столкновений между мангазейцами, енисейскими и томскими казаками. Парфен Ходырев бился с Дмитрием Копыловым из Томского острога, мангазеец Степан Корытов воевал с Остафием Серебренниковым. Это нужно знать, чтобы уяснить, в каких условиях воспитывался буйный дух Михайлы Стадухина, возрастал дерзкий нрав Василия Бугра. Каждому из них надо было собрать как можно больше соборей для царевой казны. Удача более счастливого соперника выводила из себя, заставляла браться за топор, толкала на озорство, которое Дежнев не раз терпел впоследствии от Стадухина.

Были у каждого из этих людей свои товарищи и друзья, свои недруги. Нравы того столетия были жестокими, но они смягчались бесстрашием, готовностью к

любим жертвам и подвигам. Поэтому товарищей было больше, чем недругов...

ПРОСТЫЕ ТРУДЫ

В Ленском остроге, который мы будем называть для удобства Якутском, завели новые книги для отчетов. В 1638 году в «Окладной книге денежного, хлебного, соляного жалованья ружников и служилых людей» появилась запись о казаке Семене Дежневе.

В Якутске ожидали приезда первого воеводы Петра Головина с большим воинским отрядом, дьяками и подьячими, толмачами и попами, оружейниками и детьми боярскими. Большую силу вел на Лену стольник Головин. Двести сорок пять стрельцов были прибраны на новую службу в Тобольске, сто взяты в Енисейске, пятьдесят вызваны из Березова. Много старых енисейцев встретились в якутской съезжей избе в то время. Здесь были Посник Иванов, Федор Чюкичев, Терентий Алексеев, Афанасий Степанов, Елисей Буза, Максим Перфирьев и другие. На Ленский волок сошел со своих енисейских пашен и Ярофей Хабаров. Он устроил соляные варницы на правом берегу Куты, близ ее устья, стал владеть привольными еланями и пашнями на соседнем Илеме. Черных соболей для него ловили «покрученики» – нанятые охотники-издольщики. Зажил Ярофей богато. Он брал в казне бархатные кафтаны, вишневые сукна, медь, сотни

пудов муки и других припасов. Но, на свою беду, он поселился на дороге к Якутску.

Идут в новые землицы неугомонные товарищи Дежнева, плывут по рекам, выходят к Ледовитому морю. Елисей Буза приходит морем к устью Яны. Но этого для него мало! Елисей идет вверх по Яне на нартах. Буза открывает Яну с моря, а Посник Иванов с товарищи в то же время устремляется к Яне – через «Камень», переваливает Верхоянский хребет. Нет ничего случайного, все пути заранее продуманы, «наказные памяти» написаны. В каждом отряде – письменный человек, и ему приказано снимать чертеж, все в пути замечать и заносить на бумагу. И года не пройдет, как Посник Иванов со своими конниками сведает «Индигирскую землицу», одолев новый «Камень» – горы Тас-Хайянтай. Он поставит Индигирский острожек и, сидя в теплой избе, сочинит неизбежную «отписку».

«Юкагирская землица людна, а Индигирская река рыбна; в Юкагирской землице соболей много, и в Индигирь-реку многие реки впали, а по всем тем рекам живут многие пешие и оленные люди», – так писал Посник в Якутск.

Иван Москвитин в ту пору обживал первое поселение русских людей на Тихом океане. Дежнев должен был знать об этом походе. В 1639 году Иван Москвитин со своим отрядом поднялся вверх по реке Мае,

проник на ее приток Юдому и шел по ней до «Камня» – хребта Джугжур. Москвитин открыл за «Камнем» русло реки Ульи. На ее верховьях казаки построили судно. С устья Ульи открылся для них простор «Ламы» – бурного Охотского моря. Так русские люди впервые вышли на Тихоокеанское побережье, где в тот же год выросло москвитинское зимовье. Весною 1640 года Иван Москвитин послал отряд на север – до устья Гаюя, а сам спустился далеко на юг и открыл реку Уду при ее впадении в море. Разведав огромные пространства, узнав об Амуре, Москвитин возвратился в Якутский острог. Вскоре после этого была составлена «Роспись морского пути» вдоль берегов «Ламы». В ней были указаны и места, где залегал «зверь морж».

В первое время своей службы в Якутске Семен Дежнев не бывал на дальних сторонних и захребетных реках, не слышал, как его товарищи, первых сказаний о Шилкаре (Амуре) и о еще неизвестных даурских людях.

В 1640 году Дежневу было приказано идти на Тату и Амгу для замирения якутов. Дело обстояло так. Братья Немнячек и Каптагайка Очеевы ограбили ясачных туземцев и угнали у них пятьдесят голов скота. Когда пострадавшие пытались завести переговоры с обидчиками, чтобы мирным путем получить свой скот обратно, Каптагайка с братом избили ясачных

людей и отняли у них коней, копыта и луки со стрелами. Обиженные пожаловались якутским казакам. Выяснилось, что Каптагайка грабежом занимался уже не раз. Семен Дежнев с двумя казаками двинулся на Амгу, к юго-востоку от Якутска, в алданскую сторону, искать Каптагайку. С Дежневым ехали Лев Губарь и Богдан Сорокоумов, люди ничем не примечательные, если не считать того, что Лев из этого похода вывез «погромного малого», сироту Первушку, и продал его за десять рублей. Чем кончились розыски Каптагайки, мы не знаем, да и сам Дежнев нигде не упоминает о конце столь обычного для него дела. О «погромном малом» Первушке, привезенном Губарем и Дежневым в Якутск, удалось узнать из случайно дошедшей до нас челобитной.

Что же касается похода Семена Дежнева на непокорного «князца» Сахея, то теперь с точностью можно сказать, в каком именно году состоялось это предприятие. «Князец» Сахей не хотел платить ясак и убивал казаков, которые ходили к нему за соболями. Он умертвил Елфима Зипунка и Федота Шиврина и убежал от неминуемой расправы в далекую Оргутскую волость. Когда туда послали енисейского казака Ивана Метлика, сын Сахея убил Ивана. Дело это произошло в 1641 году, что вполне достоверно стало известно из челобитной якутской женки Малнек – вдо-

вы Метлика, которая стала с тех пор скитаться «меж двор» в Якутске и искать защиты от гулящего человека Шестака (Шестак силой держал у себя вдову несчастного Метлика, на руках у ней осталось двое детей).

Семена Дежнева призвали приводить в покорность Сахея, сына его Тоглоя и искать убийцу Метлика. Дежнев ходил на реку Ситу, к озеру Ковея, которых на современных картах нет. Всего вероятнее, что это где-то в Алданском крае. Как Дежневу удалось смирить «князца» Сахея, неизвестно, но Семен, взяв с Сахея, с княжьих сыновей и всех родников его более трех соколов соболей, здоров и невредим вернулся в Якутск. Но Сахей вскоре снова «учинился непокорен и невежлив». Якутский воевода Петр Головин бросил на Сахея и его ратников лучшие силы острога. Посник Иванов, Шалам Иванов, толмач Иван Тельной, открыватель Вилюя Воин Шахов по очереди пытались смирить Сахея. Но люди Сахея били казаков, подкалывали копьями коней под ними, а Шаламу Иванову даже грозились вырвать сердце. Когда воевода посылал целовальника Семена Стрекаловского против Сахея, целовальник при всех говорил, что воевода его, Семена, «избывает», потому что на Ситу-реку и Ковею-озеро идти можно только за смертью. Вот теперь и судите сами, насколько легкий был поход Дежнева на «княз-

ца» Сахейя, откуда он не только живым вернулся, но и соболей принес.

Такой успех Дежнева, наверное, обсуждался служилыми в съезжей избе. «Прибирали» людей на Яну собирать ясак. На янских берегах тогда зимовал какой-то Друганка, отчаянная голова. Он год назад, за отсутствием других начальных людей на новой реке, бил челом Елисею Бузе, просил оставить его, Друганку, для соболиного промысла. Друганка и держал в руках один всю Яну.

Поднимался Семен Дежнев на Яну за свои деньги. Впоследствии он так писал об этом в своей первой челобитной 1662 года:

«И я, холоп твой, для твоей государевой службы купил 2 лошади, дал 85 рублей и всякой служебной завод, покупаючи в Якуцком остроге у торговых и у промышленных людей дорогою ценою; стал подъем мне, холопу твоему, больши 100 рублей...»

Дежнев шел вместе с Дмитрием Михайловым Зыряном. Судя по прозвищу, Дмитрий был земляком Дежнева, а в свое время вологодские «зыряне» вместе с устюжанами положили начало Енисейскому острогу.

Путь на Яну лежал через «Камень», и всходить на него с якутской стороны было трудно – версты на полторы к небу поднимались горные громады. В ущельях

круглый год лежали лед и снег. С высокого перевала была видна бесконечная тундра, и шла она до самого Ледовитого моря.

«И мы, холопы твои, на Яне-реке с якуцких людей твоего великого государя ясаку взяли 8 сороков, 20 соболей да 2 лисицы бурых», – запишет потом Дежнев в «памяти» о своих походах.

Было их всего пятнадцать человек, пятнадцать всадников в мохнатых малахаях, в тяжелых шубах, под которыми блестели казенные панцири или пластинчатые «куяки». Нарезная пицаль в руках, черный устюжский крест на шее да тяжелый топор за «зырянской» опояской – вот и все пожитки казака, с которыми он прошел от Русского Поморья до великих сибирских рек.

Проведал ли Дежнев Друганку на его соболиных ловлях по Яне, мы не знаем, зато известно другое. Дмитрий Зырян приказал Дежневу с тремя товарищами вывезти ясак в Якутск. В дороге на Дежнева напали «ламутские тунгусы», их было больше сорока человек. Три казака отбивались от недругов, в Верхоянских горах гремели тяжелые пицали.

«А меня, холопа твоего, Сеньку, на том бою те ламутские мужики стрелою ранили в ту ж ногу в икру», – писал потом Дежнев об этом сражении по ту сторону «Камня». Это первое ранение Дежнева со време-

ни начала его якутской службы. Из своей пищади он убил «лучшего мужика» – тунгуса, а соболиную казну оборонил и в целости привез в Якутск.

Дежневу предстоял новый поход...

В 1642 году двадцать, а то и больше русских людей погибло на диком верхоянском «Камне». Стольник Петр Головин, посылая их на Яну и Индигирку, не дал времени для сборов, отказал в выдаче припасов. Мало того – перед отправлением отрядов Головин «безвинно позорил» служилых и промышленных – бил кнутом и водил по Якутску с приставами. Индигирский отряд Кирилла Вонифатьева насилу добрал до «Камня», а там путников застали снега и метели. Люди сидели в оловянных горах Верхоянского хребта, ели конину и ждали смерти. От голода и юкагирских стрел погибли Вонифатьев, Семен Холмогорец, усалец Трофим Табурин и другие.

Через «Камень» удалось пройти людям янской ясачной службы Ивану Пильщикову с товарищи; на Яну пробился также Богдан Ленивцев. Посник Иванов в жестокую зиму 1642 года отправился па Индигирку по следу погибших на «Камени» людей и одолел перевалы, покрытые глубоким снегом. Горсть первоначальников «Собачьей» реки с нетерпением ожидала прихода товарищей из Якутска.

Семен Дежнев вышел из ворот Якутского остро-

га вместе с Михайлом Стадухиным. Алдан, мерзлые болота, а потом отвесные стены «Камня», покрытые льдом горные цепи, уходящие неведомо куда на восток... Но обычный путь был здесь уже известен. Он вел с Яны на среднее течение «Собачьей» реки, вдоль реки Толстока, через горы Тас-Хаянтай, прямо в Индигирский острожек, где в ту пору сидел Иван Ерастов.

Но Дежневу и Стадухину надо было идти еще дальше – на самые верховья «Собачьей» реки, в область Оймякона. Лишь около четверти века назад мы узнали, что полюс холода, самое студеное место мира, расположен около Оймякона, затмившего славу Верхоянска. Оймякон лежит к югу от устья реки Эльги. Севернее Оймякона с запада на восток простерся огромный вновь открытый хребет Черского.

Дежнев вступил па полюс холода. Было это в 1642 году. Как всегда, собирали ясак. Тунгусский «князец» Чона со своими родниками отдал русским соболем добровольно, без всякого боя. Чона, как мы увидим, был доброжелателем и советчиком. Якутский ясачный «князь» Удай и «улусный мужик» Тюсюк подружились с Дежневым настолько крепко, что служили ему мечом и копьем. Однажды завязался долгий бой с «ламутскими тунгусами» – охотскими поморянами. Более пятисот искуснейших и метких стрелков из лу-

ка окружили дежневский отряд и ясачных союзников Дежнева и Стадухина. И стрелы с перьями морского орла качаются в могучем теле Дежнева. Он был ранен дважды в одном бою. Хромая, держа правую руку на перевязи, он бредет в гостеприимное жилище «князца» Чоны. Там казаки держат совет. Куда им теперь идти? Кони их побиты ламутами, а на тех лошадях, что уцелели после боя, надо отправить ясачную казну в Якутск. Пешим не одолеть «Камень», не пройти через «тарыни» – нескончаемые озера, образовавшиеся от разлива теплых вод поверх крепкого, как булат, льда. Оставалось одно – плыть водой туда, где можно было учинить прибыль соболиной казне, сыскать новых неясачных людей.

И вот сидят они в чуме, покрытом оленьими шкурами, и расспрашивают Чону о ближних и сторонних реках. Уже тогда они знали, что путь к морю на юг от Оймякона огражден Становым хребтом, хотя до «Ламы» напрямик было рукой подать. По совету Чоны, Стадухин и Дежнев двинулись на северо-восток. Ведь все дело заключалось в удобных реках, в поисках коротких волоков между реками. Чона, видно, рассказал русским об Алазее, Колыме и Анюе.

Добывали корабельный лес, строили своим умением коч. На снасти шли ремни, на парус – оленьи шкуры. Якоря были деревянные, а для тяжести к ним

привязывали камни. Тринадцать зимовщиков покинули страну великого холода, прошли Оймякон-реку до устья и скоро увидели быстрые воды Индигирки, густые летние луга и черные леса.

«...а по Индигирке выплыли на море», – всего шесть слов обронил Семен Дежнев об этом походе.

Летом 1643 года Дежнев увидел воды Ледовитого океана. С Дмитрием Михайловым Зыряном наш герой, как мы помним, расстался после похода на Яну. Бывалый «зырянин» пошел на северо-восток. О Дмитрии Зыряне с тех пор не слышно ничего до 1643 года. Он исчезает на целых два года. Зато в летописях покорения Индигирки и Алазеи вдруг появляется имя Дмитрия Михайлова Ерило. Он держит в своих руках Индигирский острожек, ставит зимовье с Косым острогом в устье новой реки, получает «наказную память» о составлении чертежа. Летом 1643 года Ерило ведет кочи морем на «Алазейскую реку», и стаи юкагирских стрел впиваются в свежие корабельные доски. Ерило упоминается в 1643 году еще один раз, а затем бесследно исчезает. Куда же он исчез?

Его держит в могучих объятых Семен Дежнев! Ерило оказывается тем самым «зырянином», возможно – выходцем из Яренска, Дмитрием Михайловым, делившим с Семейкой трудности похода на Яне. Дмитрий Ерило и Дмитрий Зырян – одно и то же лицо. Со-

поставьте годы, месяцы, числа, пройдите шаг за шагом вслед за Ерилой – и вы придете к этому неизбежному выводу. Вся беда в том, что многие служилые были известны тогда не только по имени и фамилии, но и по разным их прозвищам. Все это вызвало такую путаницу, что потом историки даже изобрели Ивана и Ерила Ерастовых, побратав живого Ивана Ерастова с Ерилом. Так и получилось, что, выйдя из Якутска с Дежневым, доблестный Дмитрий Михайлов на Яне еще звался Зыряном, а стоило ему пойти на Индигирку и Колыму, как он превратился в Ерила!

Дежнев разыскал Дмитрия Михайлова на Алазее, куда Семен ходил вместе с Романом Немчином только для этой цели. Старые приятели могли вспоминать о том, как ставили Косой острожек на Алазее и за «невежливость» хватали и сажали в аманаты знаменитого шамана Обюганея (шаман все удивлялся, почему на его земле без спросу построили крепость). Говорили о недавних страшных «съемных» боях, о неведомых дотоле чукчах, встреченных меж юкагирами на Алазее. Впоследствии Дежнев писал, что он участвовал в пленении аманата Манзитина (у Дежнева – «Манцит»). В таком случае в этом привычном деле участвовал и Иван Беяна, смелый мореход, товарищ Дежнева по якутской службе. Тогда было убито двое русских, а Дежнева ранило стрелой в правое

плечо.

Из воспоминаний Ивана Беляны, изложенных в его челобитной, видно, что Беляна больше года провел в Алазейском острожке. Значит, с ним были Дежнев и Дмитрий Зырян. Беляна пишет, что он построил коч и пустился морем на Колыму. Так Дежневу становилось «за обычай» мореходное дело.

МОРСКОЙ ПОЯС

Они снова встретились у большой и привольной реки.

Михайло Стадухин пришел сюда с моря. Семен Дежнев, Дмитрий Зырян, Втор Катаев, Иван Беляна, Сергей Артемьев, Второй Гаврилов, Андрей Горелов... Иван Ерастов, спутник мнимого Ерила, прибыл на Колыму, видимо, сразу после того, как свез в Якутск морем первый Индигирский ясак. На Стадухинской протоке казаки поставили Нижнеколымское зимовье. Честь основания его должна быть поровну разделена между Стадухиным и Беляной, Дежневым и Дмитрием Зыряном. Именно тогда был ранен в грудь Михайло Стадухин.

Дежнев думал, где бы захватить ему новых аманатов из числа «юкагирских мужиков». Он высмотрел исчезающее племя омоков, которое тогда еще пело песни и охотилось на зверей. Омоки добывали соболей. Правил ими «князь» Аллай, человек бесстрашный и воинственный. С самим Аллаем не довелось Семейке тогда повстречаться, зато при захвате аманатов в бою Дежнев убил «княжьего» брата, «лучшего мужика», и захватил в плен родного сына Аллая – Кениту. И у омоков стали брать соболей, а сверх яса-

ка лебедей, гусей и ягоду морошку. Кенита был еще в 1658 году жив и носил лебедей и ягоды в Колымское зимовье. При захвате Кенита юкагирская стрела насквозь пробила Дежневу левую руку.

За частоколом нового острожка на Колыме Михайло Стадухин вскоре начинает разведывать, «нет ли зверя какого» на море к востоку от устья Колымы. Казаки жадно спрашивают юкагиров о новых землях и реках.

Однажды Стадухин, громя колымских неясачных людей, добыл себе «ясырь» – женку Калибу. Калиба рассказывала нежданному суженому о своей прежней жизни. Она при этом обмолвилась, что бывала у чукчей, даже прожила среди них три года. Слово за словом вытягивал Стадухин у Калибы, пока до его сознания не дошло, что ясырная женка обладает бесценными сведениями о новых землях и новых богатствах. Есть на запад от Колымы река «Чюхча» (Чукочья), рассказывала подруга Стадухина, и чукчи, что живут на этой реке, зимой ездят на остров против устья Колымы.

«...и на том острове они побивают морской зверь морж и к себе привозят моржовые головы со всеми зубами и по-своему-де они тем моржовым головам молятся», – так потом говорилось об этом в летописях Якутска. Промышленные кинулись искать чукчей, что-

бы посмотреть на «дорог рыбий зуб» и моржовые головы. Выяснилось, что чукчи отделяют моржовой костью полозья своих нартов.

Скрипели лебязьи перья, когда нижнеколымские грамотеи записывали для памяти сказание о новой морской земле. Мезенцы и енисейцы, бывалые мангазейцы дружно решили: остров, о котором рассказывает Калиба, есть «Камень», морской пояс, и тянется он от самой Новой Земли. Где же конец каменного пояса?

Начались новые простые труды. Поселенцы Колымы стали искать моржовую кость, свозить в зимовье «заморный зуб», отыскивая целые кладбища, где моржи, погибая, теряли клыки. Дежневу, конечно, приходилось бывать в этих походах. Казаков и промышленных тянуло в новые края, где «зверь не прорыскивал и птица не пролетывала». Уже в 1645 году они твердо знали, что на востоке есть новая река Анадырь, а за ней – Погыча.

«До них три дни ходу по морю способным ветром», – записано в «расспросных речах» Михайлы Стадухина.

Есть замечательное свидетельство о том, что в 1645 или 1646 году Иван Ерастов с товарищи уже «отведали новую землю», а именно Погычу. «И наперед сего и по се число на той реке русских людей никого

не бывало. А соболю у них самый добрый черный», – писали землепроходцы. В наших руках конец драгоценной нити. Они так и пишут «отведали», – значит, побывали в новой земле, совершив путь сушей. В челобитной своей Иван Ерастов просил пустить его к устью Погычи уже морем. Если это так, то Иван Ерастов в 1646 году стоял на берегу моря, названного потом в честь Беринга Беринговым. Погыча впадает в океан недалеко от мыса Олюторского. Чукчи зовут его Ананнон. Что же, могло быть так, что ветры с Юкона и Кукоквима, лежавших напротив мыса Ананнон, колыхали пламя первых костров, разложенных на самом краю Старого Света! Знаменитый пролив Аниан шумел и пенился к северу от Ананнона...

На наших глазах умирает старая сказка о том, что русский народ открывал новые земли, якобы сам не ведая того, что он совершает. Много крови было пролито от Новгорода и Югры до берегов Великого океана, но и немало чернил было издержано на чертежи, росписи земель, «наказные памяти», отписки. Так и Погычу-реку искали, составив предварительно план похода, описав подробно Колыму и реки к востоку от нее.

Нагрузив коч драгоценными мехами, Стадухин и Дмитрий Зырян пошли морем в Якутск. Дежнева они оставили сторожить Нижнеколымское зимовье вме-

сте с Иваном Беляной, устюжанином Втором Катаевым и другими. Было их всего тринадцать человек.

Вскоре у ворот крепостцы появился отважный «князец» Пелева. Он даже «выхватил» было аманатов – заложников, но Андрею Горелову и Втору Катаеву удалось «князца» прогнать. С Аллаем же было не так просто сладить. Он повел на приступ пятьсот юкагирских воинов. Дежнев и его товарищи уцелели каким-то чудом. Кровь заливала глаза Дежневу; он был ранен в голову, но не покидал строя. Аллай прорвался за крепостной палисад. Он был уж у цели – возле склада соболиной казны и у дверей аманатской избы. Начался «съемный» бой. В этом поединке и пал Аллай. Его «скололи» копьем...

Потеряв начальника, юкагиры отступили, «убоясь смерти», как заключал Семен Дежнев свои воспоминания об этом страшном дне. Аллаевы люди не ушли совсем. Потеряв надежду на быструю победу, они решили взять русских измором и начали правильную осаду острожка. Все это могло кончиться гибелью защитников крепости, но в самый, казалось бы, их смертный миг из-за речного поворота показались морские кочи... Петр Новоселов-Кривой и Дмитрий Зырян пришли на помощь Дежневу. Юкагиры сняли осаду острожка.

В вечномерзлую землю Колымы были опущены те-

ла двух защитников крепостцы, и первые русские могилы с сосновыми крестами выросли в будущем Нижнеколымске. Дмитрий Зырян рассказал, почему он вернулся в острожек. «На море» он встретился с Новоселовым-Кривым и от него узнал, что Кривой везет из Якутска «наказную память», и именно ему – Зыряну. Грамота ходила по рукам. В ней было писано, чтобы Зырян был приказным человеком и вершил все дела на новых реках – на Алазее, Индигирке и Колыме.

«...и новые реки приискивать ему, Дмитрею, с таможенным целовальником с Петром Новоселовым и с нами», – так запомнил Дежнев главную суть «наказной памяти».

Едва успела зажить последняя рана Дежнева, как он снова встал под стрелы и копья юкагиров. Дмитрий Зырян послал тридцать новых обитателей острожка войной па Аллаевых «юкагирских мужиков». Был у них «князь» Алива Никрадъев с сыновьями Чермо и Небо. Дежневу удалось забрать в аманаты первого из сыновей Аливы. Аливины дети потом долго носили гусей и лебедей в острожек в обмен на ножи и топоры. Дежнев был снова ранен. Это был последний поход Дежнева для «имки» аманатов в юкагирских стойбищах Колымы.

ВЕСТИ О «РЫБЬЕМ ЗУБЕ»

Можно думать, что именно с Новоселовым-Кривым и Дмитрием Зыряном в Нижнеколымское зимовье прибыло много служилых, торговых и промышленных людей. Здесь был и мезенский помор Исай Игнатьев, кормщик и зверобой, и его земляк – бедный «покрученик» Елфим Меркурьев. Пришли сюда приказчики богатого устюжанина Василия Федотова Гусельникова, по прозвищу Скорая Запись, – Афанасий Андреев и Бессон Астафьев. Приказчиком устюжских купцов Усовых был холмогорец Федот Алексеев Попов. Среди новых колымских служилых мы находим Герасима Анкудинова, Артемия Солдатку. Были и промышленные: устюжанин Сидор Емельянов, Иван Зырянин, пермяк Фома Семенов, Михайло Захаров из Соликамского городища, Терентий Курсов, Петр Михайлов. Михайлов жил раньше у Ярофея Хабарова «на Соли», при Усть-Куте. Появился в Нижнеколымском зимовье и «трудник» Сергиевой лавры Анисим Костромин, добывавший моржовую кость для монастырской казны. Устюжане и поморяне, зыряне и пермяки, переяславцы сошлись тогда в самом северном селении Руси, близ устья Колымы. Приходили сюда и битые батогами, жженные железом, сошедшие едва

живыми с дыбы служилые Якутского острога.

Они рассказывали о том, как лютовал воевода Петр Головин в Якутске.

Семен Дежнев был на Оймяконе, когда начались страшные события, виной которых был Петр Головин. Служилые сложили об этом длинное сказание, от которого так и тянет жаром пыточного костра. Казаки и дети боярские, люди незлобивые и здравые, с первых месяцев воеводства Головина стали замечать, что стольник все делает не так, как надо. Слыхано ли было, чтобы в заложники брать малых детей? А воевода приказал поступать именно так.

Говорили казаки, что якуты еще «русского обычая не ведают» и с ними одной «жесточью» ничего не сделаешь. Воевода в ответ раздражался такой бранью, что даже старослужилые терялись. Шалам Иванов предупреждал, что якуты хотят у русских «сердца вынимать». Воевода пообещал за это Шаламу кнут. Начались волнения якутов...

Головин занимался темными делами: «поворачивал» к себе государевых соболей, за якутами ложно числил недоимки, а служилых обвинял в недоборе ясака. Чтобы скрыть всякие следы содеянного, Головин стал свозить в Якутск «лучших мужиков» – якутов, пытаться их и вырывать от них наговорные речи на казаков и служилых. Потом Головин повесил «лучших

якутских людей» и начал расправу со служилыми. От его батогов в первую очередь пострадали такие знаменитые люди, как Парфен Ходырев, Шалам Иванов, Ярофей Хабаров, Семен Шелковников, Еналей Бахтеяров.

Один из «ушников» Головина содрал бархатный кафтан с плеч Ярофея Хабарова, бил его батогами и до «полусмерти изувечил». Тогда в числе главных «ушников» и «потаковников» Головина и исполнителем пыток был наравне с Василием Поярковым и Юрий Селиверстов, большой недруг Дежнева. Пытаемым ставили в вину, например, что они «сны на нево Петра напущали»...

Так и погибали «томною голодною смертию» якутские служилые в двенадцати тюремных избах Головина под клещами и на дыбе палача. Тела погибших воевода велел увозить за версту от острога, где было основано целое кладбище. Головин перепытал всех, кого мог, – и черного попа Перфирия, и дьякона Спиридона, и женок служилых людей, и толмачей, и приказных. Тех, кто уцелел после пыток, он послал на Колыму и в знаменитый амурский поход Василия Пояркова. Юрий Селиверстов, в те времена вращавшийся более в обществе пытошных толмачей и ложных донощиков, вскоре сошелся со Стадухиным.

А Михайло Стадухин? Когда он расстался с Дмит-

рием Зыряном «на море» и явился в Якутск с вестью о новых землях, он попал под горячую руку воеводе. Ясырная женка Стадухина, если она прибыла с ним вместе в Якутск, наверно, пролила немало слез, видя, как ее милого дружка водят «за приставами» в съезжую избу. Головин морил Стадухина голодной смертью, видимо подозревая его в утайке «мягкой рухляди». Но вскоре в Якутск пришли грамоты об освобождении всех узников воеводы. Головин с большим сокрушением приказал распилить на дрова виселицы, которые он уже выстроил для служилых людей. Душу он отводил в разговоре с Парфеном Ходыревым, выпущенным из тюрьмы. Воевода «при народе» сожалел, что не успел повесить Парфена, хотя виселицы вышли на славу.

Все это было в 1646 году, а через год в Якутск прибыл новый воевода – Василий Пушкин. Он сразу стал хвалиться пред казаками, что всех их «из-под тиха выведет». Отсюда – начало новой истории об отчаянном Василии Бугре, первооткрывателе Лены и друге Семена Дежнева.

Василий Бугор, казачий десятник, человек уже, видимо, немолодой, пришел в то время в Якутск из «Братской землицы», где он «бился явственно» в отряде Курбата Иванова, по наряду с этим заводил с молодым задором «круги и бунты». Ему, как и всем слу-

жилым, много лет подряд не платили жалованья. Василий Бугор пытался сначала по-хорошему добиться признания своих прав, сочинял челобитную о выдаче круп, соли и толокна. Воевода Пушкин челобитную принял, но на другой же день Василия Бугра били батогами в палец толщиной на главной площади Якутска.

Тогда Бугор стакнулся с Шаламом Ивановым, Иваном Редкиным, Семеном Головачевым и двадцатью другими служилыми, в числе которых были Ярофей Киселев, Иван Пуляев и Павел Кокоулин. Эти имена стоит запомнить. Ночью Бугор с Шаламом силой захватили коч у одного торгового человека и поплыли в привольные земли. По дороге они захватывали казенные суда, брали спасти, припасы, товары. Из Лены они вышли на восток, и кто знает, где побывали корабли Василия Бугра! У беглецов было все для далекого похода: огненный бой, ездовые собаки, нарты, лодки, сети, говядина, крупы и толокно, из-за которых Бугор столь много претерпел. А пока Василий Бугор носится на своих кочах среди пенистых гор моря-океана, возвратимся к Семену Дежневу в Нижнеколымское зимовье.

Там произошло знаменательное событие. Мезенец Исай Игнатьев вернулся из плавания в чукотскую сторону. Он доходил берегом моря до Чаунской губы –

длинного залива Ледовитого океана. При входе в губу лежал остров Айон, родина древнего племени онкилонов, как узнали об этом более поздние исследователи. Вокруг холмистых берегов Чаунской губы и на берегах реки Чауна кочевали оленные чукчи. Во времена Дежнева и Исая Игнатьева этот народ и происхождением, и обычаем отличался от чукчей нашего времени.

Позднее чаунских жителей называли «беломорскими чукчами», и В. Г. Тан-Богораз, знаменитый исследователь чукотского народа, связывает это со сказанием о «беломорской женщине» – прародительнице всех чукчей. Исая Игнатьев, открыв остров Айон и Чаунскую губу, занялся торговлей с туземцами. Она происходила, как в годы походов новгородцев на Югру, «немым» способом. Исая выкладывал товары на берегу и уходил. Когда он возвращался, на том же месте лежали моржовые клыки, резная кость и дорогие шкуры. Итак, западный край «Чукотской земли» был сыскан и сведан с моря, причем обнадеживало то, что, как уверял Исая, морские льды были не так уж и страшны. Когда он плыл к устью Чауна, вокруг него двое суток подряд расстилалась чистая вода.

Нижнеколымские зимовщики стали поговаривать о том, что пора бы сложиться между собой и подняться сообща для новых поисков за Чаунской губой. Что же

касается мезенца Исая Игнатьева, то он не раз повторял свое плавание, пока не был убит чукчами.

Тем временем Михайло Стадухин успел оправдаться перед якутскими воеводами. Он вновь появился на Колыме. Видимо, уже тогда к нему пристали беглые из Якутского острога – Васька Бугор и другие. Во всяком случае, след Бугра около того времени отыскивался на Индигирке, где он размышлял о своей судьбе. Позднее Василий Бугор писал, что он «в иные ни в которые государства» бежать не хотел, что ему совершенно нечего делать ни в татарах, ни в мунгалах, ни в андарах(?).

В 1647 году Стадухин отправился, определенно морем, на восток от Колымы, по следу Исая Игнатьева. В пути он нашел богатые места, где добывали моржовую кость. Он собрал образцы для отсылки в Якутск. Из области ли Чауна или из другого места Михайло устремился к Анадырю сушей и достиг ею берегов. Зимой он переходил на лыжах волок за волоком, миновал реку Пенжину, а за ней Гижигу. В Гижиге он сел в коч и проплыл Ламским морем до реки Тауй. Путь свой Стадухин закончил на Охоте-реке, где тогда уже стояло Охотское зимовье. Сын боярский Иван Хвостов принял от Стадухина трех тунгусов-аманатов.

Известно, что Стадухин сочинял чертеж земель и рек, пройденных им во время скитаний. Так шли поис-

ки дорог сушей и на Анадырь, и на бурное Охотское море.

Семену Дежневу не удалось морское плавание 1647 года. Торговые люди Нижнеколымска подали таможенному целовальнику Петру Новоселову челобитную, просили отпустить Федота Алексеева Попова и иных на «новую Анадырскую реку». Проглядев челобитную своим единственным глазом, Новоселов узнал, что приказчики хотят, чтобы с ними пошел Семен Дежнев для «государевых всяких дел». Дежневу дали «наказную память». Четыре коча вышли в море. Каких мест они достигали, неизвестно, но вскоре Дежнев и Федот Попов вернулись на Стадухинскую протоку, горюя о том, что путь на заветный Анадырь был закрыт великими льдами. Но добытчики «рыбьего зуба» не унывали и ждали времени, когда морская дорога освободится от крепких торосов. И время это наступило.

В 1648 году на Колыму морем пришел боярский сын Василий Власьев, один из главных разоблачителей преступлений воеводы Головина. С ним прибыл таможенный целовальник Кирилл Коткин, сменивший Новоселова-Кривого. Подготовка морского анадырского похода перешла в их руки.

Устюжские богачи Федотовы Гусельниковы принимали большое участие в поисках новых земель. Уди-

вительно, что в 1648 году, после того, когда в Устье Великом раздался колокольный сполох и посадские люди вместе с судовыми ярыжками кинулись разбивать дворы купцов, Гурий Федотов Гусельников был привлечен к следствию как подстрекатель мятежа. Но это никак не отразилось на его брате. Василий Скорая Запись, находясь при архангельском корабельном пристанище и при других торгах, менял соборей на фряжские вина, продавал «рыбий зуб» за «арапские» золотые.

Когда нижнеколымцы стали готовиться к плаванию на Анадырь, гусельниковские приказчики немедленно примкнули к Федоту Алексееву Попову и Дежневу. Тут откуда-то появились беглые молодцы из ватаги Василия Бугра – служилые Иван Пуляев и Павел Кокоулин. Иван Пуляев до службы в Якутске и побега оттуда жил на устье Куты, где приторговывал бревнами. У него брали строевой лес для казны. При постройке кочей для анадырского похода Пуляев был очень полезным человеком.

Прост на вид коч, но построить его было не легко. Деревянный кит собирался из досок. Жилами его были ивовые корни, суставами – большие деревянные гвозди. Серебряным тундровым мхом конопатили щели меж досок, покрывали их смолой-живицей. На кочах под парусами ходили только при попутном

ветре. Если не было доброго ветра, мореходам приходилось натруживать ладони громоздкими веслами. И вот шесть новых кочей стоят на Колыме, и обитатели острога готовятся к проводам смелых мореходов.

В челобитной Семена Дежнева от 1662 года сказано ясно, что на шести кочах с ним вместе отправились девяносто служилых, промышленных и торговых людей. Торговыми делами в походе ведал Федот Алексеев Попов. Дежнев должен был смотреть за сбором ясака, искать новых «неясачных людей», а со своих спутников брать десятую долю добычи в государеву казну. Считают, что Герасим Анкудинов был помощником Дежнева, и это, пожалуй, похоже на правду. Дежнев потом писал о Герасиме как о служилом человеке, но не о своем начальнике. А сам Дежнев считал, что он служит уже, по крайней мере, со времени своих колымских подвигов «приказным человеком вместо атамана».

Федот Попов со своей ясырной якутской женкой плыл отдельно от Дежнева, Герасим Анкудинов тоже находился сам по себе на одном из кочей. С Дежневым же было двадцать пять человек.

Подняты каменные якоря, скрипят тяжелые весла, и 20 июня 1648 года все шесть деревянных китов медленно идут вниз по Колыме до моря. Там они, качаясь, зарываясь в океанские волны, поднимаясь на синие

хребты океана, начинают свой путь к Аниану...

ОСТРОВА «ЗУБАТЫХ ЛЮДЕЙ»

Вдоль морского берега шли кочи. За Чаунской губой начинались не ведомые никому места, даже если в отряде Дежнева был «вож», ранее плававший с Исаем Игнатьевым.

Три коча бесследно исчезли в первом пути. Где стряслась эта беда – неизвестно. Никаких подробностей похода до Большого Каменного Носа не сохранилось.

Мы можем только догадываться о том, как плыли сосновые киты на восток мимо высоких мысов, через пролив, к северу от которого лежит морская земля. В ясную, солнечную погоду с мыса Якан виден остров, который мы зовем теперь островом Врангеля. Дежнев не мог не искать конца каменного морского пояса, который так тревожил воображение колымских мореходов. Прошли и тот мыс, окруженный исполинскими каменными столбами, который потом получил поэтическое название «Сердце-Камень».

И наконец мореходы увидели темный и грозный Большой Каменный Нос. Издали должно было казаться, что мыс не имеет конца – так далеко простирался он в море. Его всегда принимали за остров. Угрюмый, окруженный громкими бурунами, он подставлял вет-

рам свою черную каменную грудь. Тридцатисаженные глубины колыхались у его подножья.

Здесь разбило коч, на котором плыл Герасим Анкудинов, и Дежнев с Федотом Поповым «имали на свои суды» людей Герасима. Сам Анкудинов перешел в ладью Федота. Кожаные паруса наполнялись ветрами, встречавшимися у двух океанов. Огромные весла кочей погружались в воды Анианского прохода! Сказочный пролив был обретен Дежневым и его товарищами в августе 1648 года. Но они не знали о величии своего подвига и были преданы простым житейским заботам.

Однако у Семена Дежнева нашлось и время, и желание подробно осмотреть Большой Каменный Нос. Все это пригодилось ему для составления будущих «отписок». Он видел «башню» из костей кита, воздвигнутую чукчами у речки близ их становья, – жилище пли приметный знак для чукотских поморян и жителей восточного берега Аниана? Пока люди с разбитого анкудиновского коча сушили оленьи торбаса и мезенские бахилы и отогревались, можно было много увидеть и узнать.

Такое приметное место, как Большой Каменный Нос, граница новой страны, не могло остаться без внимания казаков. Будем утешаться мыслью, что еще предстоят запоздалые, но счастливые открытия в архивах – в «столбцах» Сибирского приказа, в извест-

ных «портфелях» Миллера. Может быть, там отыщутся основные донесения Семена Дежнева или подробная переписка Якутского острога о дежневском походе.

Скупо писал Дежнев в дошедших до нас бумагах о Большом Каменном Носе, о том, что он лежит «промеж сивер на полуношник», упоминал и о строенье из китовой кости, но, что важнее всего, он описывал острова, на которых живут люди с моржовыми зубами. Этому описанию уделено Дежневым всего двадцать два слова в первой «отписке» 1655 года и ровно столько же во второй³. Но в этих немногих словах заключено замечательное свидетельство о первой встрече русских с эскимосами.

Академик Л. С. Берг видит в дежневских островах, населенных «зубатыми людьми», острова Гвоздева – так справедливее называть «острова Диомида» – по имени их русского первооткрывателя, нанесшего их на карту в 1732 году.

В самой узкой части пролива лежат эти три небольших островка, один меньше другого. От Малого Диомида до берега Америки всего сорок верст. В хорошую погоду со скал острова можно видеть и Азию, и Аме-

³ Все «отписки» и челобитные Семена Дежнева о его походах и открытиях полностью приведены в книге В. А. Самойлова «Семен Дежнев и его время». М., издательство Главсевморпути, 1945, с. 122-149.

рику. Третий, самый малый, остров, как бы оторвавшийся от своих собратьев, лежит много южнее их. Он необитаем и похож по виду на холм.

Любопытно, что эти островки угрюмого Севера первоначально были названы в честь героя сказаний Эллады. Диомед-мореход, плававший к стенам Трои с флотилией из восьмидесяти кораблей, сидевший потом в чреве троянского коня, в конце своей полной приключений жизни исчез возле одного из островов Адриатики. Спутники Диомеда превратились в хищных птиц – так гласило сказание. Его знал Карл Линней, и поэтому он дал альбатросам название *Diomedea*. Английский мореплаватель Ф.-У. Бичи в 1826 году назвал острова именно Диомедовыми, так как здесь проходила северная граница обитания альбатросов.

Эскимосы исстари жили на двух островах Диомиды, и чукчи не зря называли своих соседей «ротастыми». Они прорезали углы рта у нижней губы и вставляли в прорезы точеную моржовую кость или камни. Об этих людях Дежнев упоминал снова во второй «отписке», но так же скупое, как и в первый раз.

Но он свидетельствует, что русские «тех зубатых людей на острове видели ж». Когда это происходило? Подплывали ли деревянные киты к островам альбатросов? На каком из двух островов побывал Деж-

нев? Трудно дать ответ на эти вопросы, но ведь Дежнев говорит, что «зубатых людей» он видел «на острове». Значит, встреча с эскимосами состоялась все же именно там, а не на Большом Каменном Носе, куда эскимосы могли приезжать по торговым и другим делам.

Дежнев – первый европеец и первый русский, сообщивший сведения об островах, лежащих на самой середине туманного Аниана. Но всему видно, что страшный «Необходимый Нос» был пройден. Что делали в водах пролива Дежнев и Герасим Анкудинов, начиная с того дня, когда они миновали северные ворота Аниана? В то время Семейка Дежнев мог еще со спокойной душой праздновать и свои именины, и день Зосимы и Савватия – покровителей поморов. Короче говоря, Дежнев с товарищами пробыл в северной части пролива около месяца. Трудно представить себе, что казаки сидели сложа руки. За месяц многое было можно сделать – осмотреть подробно места вокруг Большого Каменного Носа, не раз побывать на восточном берегу пролива, не говоря уже о посещении островов «зубатых людей».

Наши мореходы не могли оставить без внимания того живого движения, которое совершалось между восточным и западным берегами пролива и его островами. Это движение вызывалось разными причинами

– торговлей, войнами, охотой на рабов, морскими промыслами. Здесь, на Большом Каменном Носе, на отмелях у самого морского берега бывали многолюдные торжища, когда связки мехов подавались на остриях длинных копий, а продавец держал в правой руке нож, а в левой – шкуру рыси с Большой Земли.

Федоту Алексееву Попову не удалась «немая» торговля, которой вначале с таким успехом занимался и Исай Игнатьев в Чаунской губе.

Где находилось то, без сомнения торговое, «пристанище», возле которого высаживались люди Дежнева и Попова осенью 1648 года? Было это все, очевидно, уже за мысом Пеек, как называли чукчи Большой Каменный Нос. Почему не допустить мысли, что наши мореходы плавали по проливу в поисках места для выгодной торговли и тогда именно в числе других «пристанниц» посетили и острова «зубатых людей»?

Сорок верст не препятствие для коча, и, даже идя на веслах, Дежнев мог пригрести и к восточному берегу пролива, к концу земли Кымын – так чукчи именовали северо-западный край Нового Света. И еще не известно доподлинно, какие «чукчи» затеяли сражение с Дежневым и Федотом Поповым на неведомом «пристанище».

Голубые бусы, рассыпанные по прибрежному песку, тяжелый дым русских пищалей, звон панцирного

железа – все это не трудно себе представить. Это была первая битва с обитателями побережий Аниана, после которой стали слагаться чукотские сказания о белых людях с усами, как у моржей. Битва эта произошла 20 сентября, в первый день после праздника Зосимы и Савватия. Тогда Федот Попов и пролил свою кровь па серый приморский песок.

Несколько неясно, долго ли продолжали после этого Федот со своей «якутской бабой» и Герасим Анкудинов путь вместе с Дежневым. «...и того Федота со мною, Семейкою, на море разнесло без вести», – пишет Дежнев сразу же вслед за скупым упоминанием о «драке», в которой был ранен Федот Попов.

Итак, из шести деревянных китов, построенных в Нижнеколымском зимовье, уцелел только один! Семену Дежневу были вверены судьбы двадцати четырех человек, сидевших в коче, гонимом бурями Тихого океана.

В самый день покрова, 1 октября, или чуть позже началась великая буря. Ходуном ходили деревянные суставы коча, судно уже не слушалось руля. Его носило «всюду неволею» и наконец выкинуло на покрытые седыми бурунами берега где-то между устьем Анадыря и мысом Ананнон. Так был пройден весь пролив между Азией и Америкой. Если бы Дежнев читал Гастальди и Розаччо и умел производить счисления, он

был бы поражен. Пресловутый пролив Аниан находился на 66° северной широты, почти на том самом месте, которое отвели ему космографы Венеции и Амстердама!

Но не было здесь плодов земных, найденных пылким Мальдонадо. Метель и цинга раскрывали свои страшные объятия перед русскими храбрецами. Им надо было теперь подниматься к северу вдоль гористого берега, искать спасения на Анадыре, как будто для Дежнева и его товарищей там был дом родной!

СТРАНА АНАУЛОВ

По существу, совершилось открытие новой страны к югу от устья Анадыря, у нижней границы Анадырского залива. Здесь, у края земли, жили кереки – бесстрашные охотники за моржами. Дежнев впоследствии еще не раз встретился с ними в боях за обладание знаменитой анадырской отмелью. А пока двадцать пять полураздетых, истомленных людей бродят вокруг разбитого коча, вытаскивая из-под его обломков все то, что может пригодиться им в их, может быть, последнем страдном пути. С коча сняли все, что можно было взять с собой, даже остатки казенной писчей бумаги, о нехватке которой Семен Дежнев не раз потом вспоминал на Анадыре.

«И пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны, наги и босы, а шел я, бедной Семейка, с товарищи до Анандыры-реки ровно десять недель, и попали на Анандыр-реку внизу близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет, и с голоду мы бедные врозь разбрелись. И вверх по Анандыре пошло двенадцать человек, и ходили двадцать дён, людей и аргишниц, дорог иноземских, не видали, и воротились назад, и, не дошед за три днища до стану, обночевались, почали в снегу ямы копать», – так напишет Дежнев через

семь лет после этой страды.

Фома Семенов Пермьяк, один из первых разведчиков Нижнего Анадыря, проживший потом тридцать три года в новой стране, стал отговаривать товарищей от ночевки в снежных могилах. На его зов поднялись лишь Иван Зырянин и Сидор Емельянов из Великого Устюга. Остальные люди от голода не могли и шагу шагнуть. Слабыми голосами просили они передать Дежневу, чтобы он хоть «постеленко спальное» да худую одежонку прислал и немного еды, чтобы добраться им до стана.

Фома Пермьяк и Емельянов пришли к Дежневу, а Иван Зырянин отстал от них и погиб. Через несколько дней пришла на «Камень» помощь от Дежнева и принесла с собой последнее его шубное одеялишко, но людей, погибавших в снежных ямах, уже не нашли на том месте, где их видел Фома Пермьяк. Они исчезли. Дежнев решил, что «их иноземцы розвезли». Имена девяти героев, оставшихся на «Камне», неизвестны. На дежневском стане или еще в пути от места кораблекрушения погибли приказчики Василия Гусельникова Бессон Астафьев и Афанасий Андреев.

Вскоре у Дежнева от двадцати пяти людей, выброшенных с ним вместе на берег Анадырского залива, осталось всего двенадцать. Имена десяти из них известны. Вот они:

Семен Дежнев

Фома Семенов Пермьяк

Павел Кокоулин

Сидор Емельянов

Иван Пуляев

Михаил Захаров

Терентий Курсов

Елфим Меркурьев Мезеня

Петр Михайлов

Артемий Солдат (Солдатко)

Как провели они первую зиму в низовьях Анадыря, в жалкой хижине, построенной из леса-плавника? Прожили, а весной 1649 года стали даже лодки строить, чтобы на них проникнуть в глубь страны. И наступило время новых «съемных» боев...

Тогда было открыто племя анаулов, жившее на среднем течении Анадыря, сысканы чуванцы и ходынцы. Они давно исчезли с лица земли, так же как и шелаги, и омоки, и онкилоны... Но в списках людей Анадырского острога за 1681 год, где перечислены имена некоторых бывших спутников Дежнева, мы найдем упоминания о «погромных женах» казаков: Фома Семенов Пермьяк, например, доживал свой век с «венчанной женой» анаулкой Устиньницей, у дежневца Панька Лаврентьева была жена Настасья-ходынка, из племени чуванцев в избу Васьки Игнатьева при-

шла Домна, с которой он венчался по закону.

Чукчанки, корячки, омочки, юкагирки, пусть неволей, делались подругами русских людей на Анадыре, качали в колыбелях из оленьих шкур русоволосых и черноглазых детей.

Быть новому острогу на Анадыре-реке! Все те же двенадцать человек, облюбовав место чуть выше устья Майна, забивают в вечномерзлую землю острые бревна крепостного частокола. Сто двадцать лет простоит он над суровой рекой...

Не дешево досталось все это Семену Дежневу. Анаулы отметили его «смертной раной», когда он брал с них первый ясак. Но Дежнев отдышался, отогнал от себя смерть и, сидя в новом зимовье, заполнял ясачные книги, которые он спас вместе с запасами казенной бумаги.

Забыли ли о Дежневе в Нижнеколымском остроге? Нет, о нем помнили и Василий Власьев, и целовальник Кирилл Коткин.

К тому же Дежневу помогли дикие олени. Нижнеколымцы давно знали о ежегодном ходе стад оленей через обе реки Анюй в Чаунскую тундру. Олений гон был праздником для юкагиров, и они всегда с нетерпением ждали времени, когда появятся рогатые вестники сытой и удачливой жизни. И юкагирские стойбища, как правило, располагались вдоль анюйской оле-

ной тропы. Была еще одна оленья дорога к Анадырю.

В 1649 году Никита Семенов бродил в верховьях Анюя и там взял на «погроме» Ангара, «лучшего мужика» из племени ходынцев. Ангара сказал, что «за Камнем» лежат верховья Анадыря, что Анюй и захребетная река почти сошлись своими вершинами. Здесь и проходила вторая дорога переселения оленей.

Тогда удалой Федот Ветошка в красной шапке с собольим околышем, Семен Мотора, выслужившийся из гулящих людей монастырский «трудник» Анисим Костромин, Никита Семенов и другие стали просить об отправлении их на Анадырь новой анюйской дорогой.

В то же самое время по Нижнеколымску вместе с Юшкой Селиверстовым ходил наш старый знакомый – Михайло Стадухин. Друзья добывают снасти и припасы, строят на берегу реки два очень больших коча. В эти ковчеги садятся Юрий Селиверстов, Стадухин и те знаменитые беглые из Якутского острога, что совершили когда-то загадочный и долгий морской поход.

Знали что-то про новые дальние земли и Стадухин, и беглый Ярофей Киселев, и другие. И тайна скрыта, видимо, прежде всего в том, куда именно в 1647 году ходила отважная и безгранично любознательная ва-

тага старого Василия Бугра!

Важно запомнить одно: побег 1647 года состоялся сразу же после того, как мезенец Исай Игнатьев вернулся из дальней Чаунской губы, а Дежнев собрался в свое первое морское плавание.

Почему беглые присоединялись попеременно то к Дежневу, то к Стадухину, почему два беглеца – Кокотин и Петр Михайлов – пошли так охотно с Дежневым и Федотом Поповым? Не знали ли они тогда дальнего пути на восток? Не была ли «якутская женка» Федота Попова той самой «погромной бабой» Стадухина Калибой, которая жила у «чукчей» и так хорошо рассказывала о морских землях «каменного пояса»? В старых бумагах попадались известия о том, что казаки-мореходы иногда и «по сто рублей» платили за «погромных баб» – проводников, из тех, что бывали в плену у неизвестных народов и племен, в землях, еще неведомых для наших открывателей. Ведь и первые сведения о Большой Земле – Америке – были впоследствии получены тоже от «ясырки» Иттени!

Стадухин и его правая рука Юрий Селиверстов, избежавший всякого возмездия за участие в ложных доносах и «пытошных делах» при стольнике Головине, поднимают кожаные паруса и идут «морем вперед» – искать устье реки Погычи. Здесь снова неразгаданная тайна!

Лето 1649 года благоприятствовало мореходам, и Стадухин семь суток «бежал на парусах» по чистой воде и при попутном ветре. Где же он побывал, если Дежнев потом писал, что Стадухин действительно нашел «небольших коряков»? Дежнев коряков знал лучше, чем Стадухин, и, уж конечно, хорошо разобрался в том, кто такие чукчи и кто коряки и где они живут. Если действительно Михайло Стадухин доходил в 1649 году до коряков, он должен был повторить путь Дежнева – пройти проливом между Азией и Америкой! Вот из-за этого-то и разгорелся потом весь сыр-бор, когда Дежнев страстно обличал своих недругов Юрия и Михайла в том, что они выдумали все свое плавание к Большому Каменному Носу и к югу от него. Но Дежнев соглашался с тем, что Стадухин до «небольших коряков» все же доходил. Эта небольшая подробность великого спора старых недругов заставляет задуматься над тем, не был ли кое в чем прав и Стадухин.

Вернувшись в Нижнеколымск, Стадухин озорует, грозит Федоту Ветошке и другим участникам сухопутного отряда, готового отправиться на Анадырь, даже избивает двух из них, заманив к себе в гости. Беглецы 1647 года с упоением принимают участие в бесчинствах своего покровителя.

Откуда-то опять появляется Василий Бугор и становится в ряды буйной стадухинской дружины. К стаду-

хинцам присоединяются приказчики Василия Гусельникова, некий Василий Вилюй, беглый Ярофей Киселев и другие. И хотя «наказная память» для анадырского похода была выдана Семену Моторе, Стадухин сам рвется на Анадырь и заранее предупреждает Мотору, что пойдет вперед и будет забирать для себя у туземцев нарты, собак и припасы.

Полномочия Моторы не давали покоя Стадухину, и он решил действовать решительно. Однажды он налетел на стан Моторы и, кажется, ночью, сонного, «выхватил» счастливого обладателя грамоты из его шубного одеяленка и силой уволок к себе. Мотора пропадал девять суток и только па десятый день догнал свой отряд – уже на Анадыре. Оказывается, Стадухин посадил Мотору в колоду и держал до тех пор, пока пленник не дал подписки, по которой он все свои права как начальника правительственного отряда «добровольно» передавал Михайлу и впредь только ему подчинялся.

Но Мотора пошел к Дежневу и, нарушив подписку, данную Стадухину, стал служить «государеву службу» вместе с первыми героями Анадыря. Холодной анадырской весной они добыли анаульских аманатов Колупая и Негово и по-хорошему обошлись со своими пленниками. Об этом немедленно узнал Стадухин, как снег на голову свалился на новых данников, по-

бил и разорил многих из них. Дежнев поспешил на помощь Колупаю и застал Стадухина под стенами анаульского острожка.

Здесь произошла попытка увещевания Стадухина, когда Семейка говорил, что Михайло «делает него-раздо» – побивает иноземцев «без разбору». И Дежнев уговорил анаулов дать ясак, чтобы прекратить дальнейшее кровопролитие. Когда анаулы стали выносить соболей, Стадухин избил Семейку.

Мотора и Дежнев поневоле стали думать думать, что им делать, и решили, что лучше погибать на новых захребетных реках, чем рано или поздно сидеть в колодах у Стадухина. «Бегаячи и укрываючись» от гнева Михайла, они снарядили нарты и двинулись по первому снегу искать реку Пенжину – сами собою, без проводников и бывалых людей. Три недели блуждали беглецы по дикому волоку между реками, на подступах к Пенжине, едва не погибли от голода и холода и вернулись на Анадырь.

Наступил 1651 год...

Дежнев и Мотора были немало удивлены, когда к ним в зимовье пришел вроде как бы с повинной старый скиталец Василий Бугор, открыватель Лены. Ему надоело бродить со Стадухиным! Бугор сказал, что он будет и без челобитной служить государеву службу, все, что прикажут, начнет делать – «аманатов имать»

и в карауле стоять.

Василия Бугра приняли в анадырское братство. Пороховой дым вновь оведал его седины. Вскоре Бугор бился с ходынцами на вершине Анюя, бок о бок с Шаламом Ивановым, своим спутником по беглому скитанию 1647 года. Шалам тоже перешел к Дежневу, но недолго пришлось быть им вместе. Грозили когда-то якуты Шаламу «сердце вынуть», да не вырвали, а вот в анюйском бою не уберег Шалам своего сердца. Со смертной раной везли Шалама товарищи на Анадырь, и летним погожим днем старый служилый навеки закрыл свои зоркие глаза. Из анюйского боя с тяжелыми ранами вернулись Тит Семенов, Павел Кокоулин, Терентий Курсов.

Стадухин в это время разгуливал у Охотского моря. Юрий Селиверстов тоже не сидел спокойно на месте. Стоит посмотреть, что он делал в Якутском остроге в 1651 году.

Якутский воевода, «православный» ливонский немец Дмитрий Францбеков (Фаренсбах), благодаря игре счастливого случая постепенно превратился в большого сановника на службе у русского царя. Еще в 1635 году его посылали в Стокгольм представителем Московии.

В 1648 году ливонский немец появился в Якутске и сразу обеими руками вцепился в государеву казну,

которую он считал за свою собственную. Грабил он вдохновенно, и дело доходило до того, что Францбекова перестали пускать в церковь, будто бы по велению Алексея – божьего человека, явившегося служилым. Но ни чудесными «явлениями», ни жалобами воровства воеводы Францбекова остановить было нельзя, легче было Лену вспять повернуть. Ради своей личной наживы Францбеков часто отправлял людей в дальние походы, плоды этих трудов присваивал себе и выставлял себя главным покровителем всех открытий. При этом Францбеков не щадил слов для того, чтобы изобразить, как велики были его личные затраты на то или иное полезное дело. Но служилые отлично знали, что Францбеков вор, грабитель, и не простой, а прямо какой-то былинный злодей-мздоимец.

У Францбекова были старые дружки в Швеции, и он, видимо, их не забывал, будучи уже в Сибири. Считая государеву казну своей, а себя главным радетелем всех новых открытий, Францбеков, естественно, должен был считать за свою собственность и чертежи, «отписки» и известия о дальних землях. Если это так, то ливонский немец накопил такой личный архив, какой не снился ни одному европейскому космографу.

Юрий Селиверстов стал проситься у Францбекова «на море», за Колыму, на Анадырь и Чендон (Гижигу).

Воевода дал Юрию более трех тысяч рублей из казны, изобразив тут же, что весь «подъем» Селиверстова сделан на личные средства воеводы.

Стадухин, без сомнения, тоже был опутан францбековской паутиной. Отсюда и чувство безнаказанности, с которым Стадухин озоровал над наказными людьми. Он просто выполнял тайные указы Францбекова.

Юрий Селиверстов действительно пошел морем для новых открытий, но вскоре от него была получена отчаянная «отписка». Торговые и промышленные люди во главе с приказчиками устюжанина Василия Федотова Гусельникова ворвались на Юшкин коч, стали бить и увечить людей. При этом гусельниковцы кричали, что Францбеков вор и злодей, взял с торговых людей деньги и на них снарядил плаванье селиверстовского коча. Юрия едва не убили, и он тревожно доносил, что ему теперь нельзя идти на остров морем, а также добывать моржовую кость. На какой же «остров» за Колымой и Анадырем хотел плыть Юрий Селиверстов по сговору с Францбековым?

В том же 1652 году шведский «комиссар» в Москве Иоганн де Родес, знаток северной торговли, отослал несколько писем Христине, своей королеве. В них несколько раз упоминался Дмитрий Францбеков. Сначала сообщалось, что он ограбил всю Сибирь и сбе-

жал в Китай. Спустя некоторое время де Родес с облегчением писал, что эти слухи неверны. Наоборот, Францбеков завоевал города в Китае, нашел золотые руды и скоро приедет в Москву с дорогими соболями.

Но самое поразительное донесение, в котором вновь упоминался Францбеков, было написано Иоганном де Родесом 28 апреля 1652 года.

«Уехали по Волге на нескольких больших лодках 200 „стрельцов“, которые должны отправиться в Казань, и, как полагают, они посланы Францбекову в Сибирь для подкрепления его войск. Идет также слух, что решились отправить туда несколько чужестранных офицеров для их предполагаемого путешествия в Америку и чтобы продолжать полное овладение богатой страной, открытой упомянутым Францбековым», – писал Иоганн де Родес Христине, «десятой музе» или «шведской Палладе», как называли ее современники⁴.

Мы не знаем о том, какое впечатление произвело это письмо на королеву, считавшую себя покровительницей наук. Но откуда де Родес мог узнать о столь правильном предположении насчет близости Америки к якутской вотчине Францбекова? Видно, что де Родес никак не смешивает Даурию, завоеванную ру-

⁴ Б. Г. Курц. Состояние России в 1650-1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915, с. 105.

кой Ярофея Хабарова, с Америкой, а проводит четкое различие между ними!

Ясно одно: такое сообщение Иоганна де Родеса не могло остаться без внимания. Пройдет не так много лет, и чины шведского посольства в Москве тайно снимут копии с известного годуновского чертежа Сибири, на котором уже показаны области за Колымой, сведанные храбрецами из Якутского острога. И кто знает, в какие раздумья тогда погрузится знаменитый швед Олаф Рудбек, знаток древней географии! Копии с навеки утраченного подлинника годуновского чертежа останутся неизвестными нам, русским людям, до 1887 года, когда на них случайно в Стокгольмском государственном архиве наткнется Норденшельд, прошедший Аниан через двести тридцать лет после Семена Дежнева!

АНАДЫРСКОЕ ЖИТЬЕ

Новая тяжелая потеря... Убит Семен Мотора! Он в последний год своей жизни еле ноги таскал, потому что жил, отделившись от Дежнева, в верховьях Анадыря, в ясачном зимовье, оберегая соболиную казну и заложника ходынца Чекчою. Сам Мотора кормился кедровой корой, а свежую рыбу отдавал Чекчою, чтобы он не помер от цинги! Дежнев спасал Мотору, посылал к нему Фому Семенова Пермьяка с «кормом» и одеялишками. Но Стадухин налетел на Фому Пермьяка и отнял почти все, что он с таким трудом волок на нартах.

Погиб Семен Мотора так. Дежнев отпустил па волга всех родственников своих первых аманатов. Заложник Колупай после этого так привязался к казакам, что сам вызвался помогать им собирать ясак с оленных ходынских людей. Колупай и его родич Лок не раз ходили на «Камень» и привозили оттуда соболиные шкуры. В один из таких походов Колупая на Анаульский острожек нагрязнул неясачный «князец» Мекер. Он истребил аманатских отцов и родников. Лок и Колупай, вернувшись с ясачного сбора, увидели на месте родного крова пепелище. Тогда они стали просить Мотору и Дежнева, чтоб они смирили Мекера ратным

боем. Казаки нашли Мекера, стали издали уговаривать его покориться и перейти под царскую руку. Но ответом на это была стая стрел. Одна из них и уложила на месте Семена Мотору...

Поскольку у покойного Моторы когда-то была «наказная память», хоть и отнятая потом Стадухиным, казаки считали Мотору до самого дня его гибели начальным человеком на всем Анадыре. У свежей могилы Моторы Василий Бугор и Анисим Костромин стали просить Дежнева и Никиту Семенова ведать теперь всеми государевыми делами – казаками, аманатами и соболиной казной.

Весной 1652 года казаки пошли проведать море и совершили одно из своих больших открытий. Люди из Русского Поморья, бывшие с Дежневым, дивились новому богатству. Такого обилия морского зверя они еще никогда не видели.

Впоследствии Дежнев и Федот Ветошка впервые описали Анадырскую коргу, или Русскую Кошку, как потом называлось это место. Длинный, возвышенный мыс Геек тянулся к устью Анадыря со стороны Катырки-реки и заканчивался отмелью, далеко выдавшейся в море. На отмели и мысе располагалось шумное моржовое лежбище, зверя было много и на воде, у самого края корги. Добыча дорогого «рыбьего зуба» была теперь обеспечена на долгое время. Но казаки

отложили первый промысел на зверя, потому что спешили в обратный путь, боясь пропустить сроки рыбной ловли.

Русская Кошка была открыта 29 июня 1652 года, и на анадырском поморье Дежнев пробыл всего около двадцати дней. В остроге теперь надо было строить склад для дорогих клыков, думать, как отправить их на Колыму...

Вероятно, тогда же Дежнев начал составлять чертеж новой страны – от Анюя и «Камня», от верхнего Анадыря до самого устья и поморья – «до той корги, где вылягает зверь». Чертеж не дошел до нас, но Дежнев писал о нем и упоминал, что на чертеже были нанесены большие и малые притоки Анадыря. По этому можно судить, насколько успели сведать новый дикий край наши герои – голодая и холодая, «бегаючи» от Стадухина, воюя с неясачными племенами.

Записывал Дежнев для памяти разные примечательные сведения об Анадыре, границе лиственничных и березовых лесов в его верховьях, о заморе красной рыбы в реке. Составлял он и роспись, кто и сколько моржовой кости добыл в год открытия Анадырской корги.

Теперь считалось, что на Анадыре находятся два русских поселения – собственно Анадырский острог и Ясачное зимовье, где посменно жили служилые вме-

сте с аманатами.

К Дежневу шли первые поселенцы с Колымы. Он упоминал о «заводных» людях, которые приносили с собой орудия лова, но горевал, что этих людей еще мало и не у кого брать сети в долг – в них была особенная нужда.

Семен Дежнев в 1653 году усиленно разведывал через поморов-туземцев о состоянии льдов в море между устьем Анадыря и Большим Каменным Носом. Советчики сказали, что лед от берегов в море относит далеко не каждый год. Были готовы уже листовенничные кочи, добыта кое-какая снасть, но Дежнев не решился плыть на Колыму только из-за того, что не были надежны паруса и якоря.

Он узнал, что на «большом море» есть «великие сулои». В народной океанографии, у мезенских и Кольских поморов, так назывались сильные течения, рвущиеся пенистыми, кипящими полосами из-за морских мысов. Сулои были и близ устья Лены, и их хорошо должен был знать Дежнев. Он не боялся водоворотов сулоя, не за себя дрожал и в плаванье не пошел только потому, что не хотел рисковать грузом – пушниной и «рыбьим зубом».

Была большая убыль в людях. Шесть служилых переребежали к Михайлу Стадухину, а неудачный поход на оленных чуванцев вырвал из рядов дежневцев луч-

ших бойцов. Видно, не зря казаки возили с собой ладан и свечи, о которых упоминается в анадырских бумагах! В 1653 году пришлось хоронить Ивана Пуляева, Михайла Захарова, «покрученика» Елфима Мезеню, Ивана Нестерова и Фому Кузьмина. Трое из этих людей, как мы помним, проплыли с Дежневым от Колымы до Ананнона. Иван Пуляев из лесоруба сделался целовальником при отряде на Анадыре. Лишь незадолго до гибели он продавал Дежневу ездовых собак, свинец и топоры, Курсову – «бабий кожан», наверное, для ясырной жены, Солдатке – нательный крест да сковороду.

В 1654 году Семен Дежнев насилу оправился от новой жестокой раны. Была схватка с чуванцами, казаки долго бились на апрельском снегу, пока не захватили в плен Легонту и Подонца. И Подонца ударил ножом против сердца Дежнева.

В эти самые дни к Анадырскому острогу подошел Юрий Селиверстов с отрядом. Юрий сразу же завел смуту и склоку. Как оказалось, в пути он успел погромить преданных Дежневу ходынцев, в том числе родственников Чекчоя. Чекчой только перед этим предлагал Дежневу помощь и вызывался везти вместе со своими братьями весь ясачный сбор через анюйский «Камень». Но Селиверстову до всего этого было мало дела, и он еще хвастался тем, что убил родного брата

Чекчоя.

С Дежневым Юрий соблюдал видимость вполне приличных отношений, но за его широкой спиной строил большие и малые козни. Селиверстов сразу же стакнулся с Евсеем Павловым, беглым 1647 года. Евсей обижал людей, и Дежнев устроил суд над смутьяном. Тот держал себя неподобающе, спорил с судьями, опирался на посох, вместо того чтобы стоять, как подобает. Дежнев вышел из себя и хотел ударить Евсея «за невежество» батоном, но ослушник сбежал из судилища. Юрий пронюхал, что Евсей «под суд не дается», бродит по чужим станам и даже объявляет за собой «государево дело». Такие люди были для Селиверстова находкой, он принял Евсея к себе для того, чтобы еще пуще разжигать его задорный нрав.

Юрию не повезло. У алчного воеводы Францбекова к тому времени отобрали много награбленного добра и дознались, как он облагодетельствовал, в частности, и Селиверстова, дав ему под видом личных казенные средства. Юрия заставили выплачивать казне эти деньги. Поэтому он рвал и метал, безобразничал, жег туземные промысловые амбары еще на Колыме, а здесь побивал дежневских друзей – ходынцев.

Узнав об открытии знаменитой корги с «рыбьим зубом», Юрий весь потемнел и, уединившись в зимовье, ночи напролет что-то писал. Потом он позвал тайного

гонца Аверкия Мартемьянова и вручил ему пачку бумаг для доставки в Якутск.

В том году первый промысел на моржа начался поздно, на ильин день, и Дежнев объяснил это тем, что у берегов Анадырской корги был плотный ледовый припай. Юрий напросился идти на промысел. Ему дали два хороших коча и карбас, но Селиверстов тут же погубил одно судно. Дежнев распределил людей с погибшего коча по остальным кораблям.

Люди племени кереков, издавна жившие в Анадырской губе, всегда ходили на своих кожаных байдарках к моржовой корге и считали ее своей. Узнав о появлении там русских людей, кереки задумали перебить их. Семен Дежнев оставил охоту на морского зверя и двинулся искать кереков.

В крепком острожке стояло четырнадцать юрт, как называл Дежнев общие жилища кереков. В каждом из жилищ размещалось до десятка семей. Начался бой за обладание Анадырской коргой. Дежнев сломил отвагу кереков и, стоя с дымящейся пищалью в руке, пропускал мимо себя вереницу побежденных. Кереки согласились уйти дальше от корги, и старшины в вышитых меховых одеждах выводили к байдарам женщин и детей. Окликнула ли она сама Дежнева, он ли ее первым увидел, но перед ним в тот день предстала «якутская баба», возлюбленная Федота Алексеева

Попова. Где Герасим Анкудинов и Попов? Как якутка попала к керекам? Обо всем этом Дежнев ее расспрашивал, дивясь неожиданной встрече. Шесть лет прошло с того дня, как исчезли Герасим и Федот, – и вот она, их спутница в плавании через неведомый пролив! «Якутская баба» рассказала, что Федот Попов и Герасим Анкудинов умерли от цинги. Остальные люди были в разное время побиты местными жителями. А те, что случайно уцелели, сели в лодки и уплыли неведомо куда. Вот все, что знала подруга Федота Попова о судьбе его спутников, как это было написано Дежневым в его донесении 1655 года.

Есть известная догадка о том, что Федот Попов нашел свою гибель на Камчатке. Там есть речка Федотовщина, она же Никул. Предание говорит, что на ней жили первые русские люди после того, как их коч принесло к камчатскому берегу.

Тайное стало явным... В 1655 году Дежнев узнал о сочинениях Юрия Селиверстова, которые были посланы им в Якутск. Юрий писал, что Анадырскую коргу открыли он и Михайло Стадухин еще в 1649 году! Вне себя был Дежнев. Скорбя о том, что у него кончается запас бумаги, он приступил к делу. Самолучно или с помощью письменных людей, но с несомненным участием Никиты Семенова Дежнев составил две «отписки» якутскому воеводе Ивану Акинфо-

ву. Это целая повесть о долгих скитаниях, битвах и счастливых открытиях.

Дежнев не жалел слов для описания дерзостей Стадухина и происков Юрия Селиверстова. Деловые описания, отчетные данные за много лет прерывались пламенными строками о том, кому на самом деле принадлежала честь открытия Большого Каменного Носа и Анадырской корги. Муза обличений, если таковая существует, водила пером Дежнева. Он волновался так, что делал описки – Бугра называл Иваном! Излагая события какого-нибудь года, Дежнев неожиданно возвращался к прошлым, уже описанным, годам или забегал далеко вперед.

Труженик советской науки В. А. Самойлов, написавший книгу «Семен Дежнев и его время», выполнил полезное дело. Он составил указатель к «отпискам» и челобитным анадырского героя, распределив события, о которых упоминает Дежнев, в строго последовательном порядке.

Пока Дежнев трудился над своими «отписками», Юрий Селиверстов вынул козырь, о котором до времени помалкивал. Это была выданная на имя Стадухина еще три года назад «наказная память» якутского воеводы. «Память» предписывала выслать с Анадыря в Якутск людей, бывших опорой Дежнева, – Федота Ветошку, Анисима Костромина, Артемия Солдат-

ку и Василия Бугра. Наверное, это была работа Стадухина, подсунувшего воеводе Францбекову ложный донос на анадырских казаков. Юрий наступал, требуя выполнения приказа, но Дежнев наотрез отказался выдать товарищей. Он сказал Селиверстову, что тот вор, стакнулся с вором-воеводой и «наказная память» у них воровская.

В это время очень кстати некий Данила Филиппов заявил важное «государево дело» на Селиверстова. Дежнев с понятным удовлетворением принял изветную челобитную разоблачителя и присоединил ее к бумагам, приготовленным для отсылки в Якутск. Он также перечитывал вдохновенное сочинение Федота Ветошки, в котором описывались муки Семена Моторы во время его сидения в стадухинской колоде.

Юрий Селиверстов и беглый Евсей Павлов мучили людей и отговаривали их идти в дальний путь через «Камень» с «отписками» и чертежами для Якутска. Выручил доблестный аманат Чекчой, когда-то заложник, а ныне преданный друг. Он сказал, что пойдет проводником до самой Колымы. 4 апреля 1655 года «отписки» Дежнева были отосланы с двумя казаками и Чекчоем. За труд и прилежание Чекчою было обещано русское «дельное железо», в котором он очень нуждался.

Как отправляли впервые в 1657 году дорогой груз

моржовой кости в Якутск? Об этом у Дежнева ничего не сказано, а между тем известно, что Федот Ветошка и вздорный человек Евсейка Павлов появились тогда в Жиганском зимовье на Лене. Торговый человек Никита Малахов с сокрушением доносил, что «служилые люди у него пропились». Федот Ветошка и Евсейка пропили по десять пудов моржовой кости. Дело не в размерах разгула служилых, а в том, каким путем они попали в Жиганск. Известно, что с Чекчоем сухим путем пошли только два человека – Сидор Емельянов и Панфил Лаврентьев, и о доставке ими мехов и кости у Дежнева ничего не говорится. Они везли только одну почту. В ней лежала ведомость о количестве впервые добытой моржовой кости. Дорога на Колыму и Якутск сухим путем пролегла с Анадыря через «Камень», Анюй, Нижнеколымск, Алазею, Индигирку, Яну и Алдан. Жиганск, лежащий севернее Якутска, был, в свою очередь, местом досмотра судов, идущих в моря из устья Лены. В Жиганске взимались таможенные пошлины. Сухого пути в Жиганск с Яны, через «Камень», тогда и в помине не было. Это достоверно известно из челобитной казачьего десятника Михаила Колесова. В 1678 году он писал, что лет восемь назад совершил зимний поход на оленях с низовьев Яны «в Жиганы» через горный хребет... «...а преж того русские люди через тот камень никто не бывал», – писал

Михаил Колесов.

Как же очутились в жиганских питейных домах Ветошка и Евсей Павлов? Пришли с моря, только этот путь был у них! Но одного этого примера мало. В том же 1657 году торговый человек Прокофий Аминев встретил коч Василия Бугра на море, в Омолоевой губе, между Яной и Леной. Бугор шел с востока и вез груз моржовых клыков.

Беспутство Ветошки и Евсея в Жиганске, о котором вынуждены были даже доносить в Якутск, помогло нам установить, что костяная казна была впервые доставлена в Якутск с Анадыря на корабле. Почему же биографы Дежнева не заметили этих удивительных свидетельств о плаваниях от Анадыря на Лену? Ведь в этих походах нельзя было миновать пролива между Азией и Америкой, нельзя было не обойти Чукотского полуострова с востока на запад!

Трудно допустить, что костяную казну когда-либо сплавляли через верховья Анадыря с его порогами, перетаскивали волоком в Анюй, по Анюю проникали в Колыму и лишь колымским устьем выходили в море, чтобы оттуда держать путь к устью Лены.

Якутский воевода Михайло Лодыженский не должен был особенно распространяться о привозе моржовой кости морем с Анадыря, потому что был замешан в одном темном деле. Мы должны быть благо-

дарны разбитному ярославцу Никите Агапитову (Малахову), у которого пропился Ветошка.

Скажем несколько слов об Агапитове. 17 марта 1650 года он испортил праздник великому грабителю воеводе Францбекову. На воевод у Никиты Агапитова (Малахова) зуб был давно, с тех пор, как его ни за что ни про что изувечил Головин. Францбекову же Агапитов насолил таким образом. Он распустил слух, что к нему явился Алексей – человек божий и запретил пускать Дмитрия Францбекова в церковь, пока воевода не перестанет воровать. Из-за этого на алексеев день, в храмовой праздник, и началась свалка в церкви, откуда богомольного Францбекова прихожане стали гнать в три шеи.

Францбеков взял Никиту Агапитова под стражу. Но тот не унывал и, ненавидя воевод, старался каждому из них чем-нибудь да насолить.

Никита-ярославец стал разоблачать и Лодыженско-го, про которого успел много разузнать. По сведениям, которые кропотливо собирал и записывал Никита, новый воевода, как паук, высасывал соки из торговых и промышленных людей. Он всячески опутывал их и вымогал кабальные записи всеми способами, в том числе очень необычными. Михайло Лодыженский, например, устраивал у себя роскошные пиры и сзывал на них весь Якутск. Гости сначала охот-

но шли, но потом взвыли от волчьего гостеприимства воеводы. Он рассуждал: гостей он принимал, тратился на них, убытки надо возместить, – и тут же, за столом, брал с гостей кабальные грамоты. Особенно он любил гостей с густыми и длинными бородами. Напив до потери сознания этих почтенных людей, воевода заставлял их выдирать друг другу борода или рубиться между собой деревянными мечами. Подьячий Аврамов так однажды раскроил череп таможенному Корюкову. Другой служилый, когда его таскали за бороду, ударился затылком об пол и тут же умер. Воевода узнал, что после погибшего осталась соболья шуба, и забрал ее себе. Так повествовал Никита Агапитов о подвигах воеводы, поглаживая свою бороду, уцелевшую лишь благодаря простой случайности или особой осмотрительности ее владельца.

В описании злодеяний воеводы нам вдруг попадается знакомое имя Василия Бугра. Агапитов дознался, что Лодыженский пытался присвоить себе первую моржовую кость с Анадыря. Когда Бугор шел морем в Якутск, он повстречался с упомянутым выше Прокофием Аминевым. У того на руках были полномочия воеводы вести сделки по кабальным записям Лодыженского. Аминева «за кабалу» и приобрел у Василия Бугра сорок пудов моржовых клыков. Воевода приказал Аминева ложно записать кость на свое, воевод-

ское, имя в таможне, что приказчик и сделал. Потом этот обман открылся.

Из простого описания злоупотреблений Лодыженского, составленного ярославцем Агапитовым, мы узнаем, что Василий Бугор и Ветошка привезли моржовую кость с Анадыря на Лену морем. Но и этого мало!

До нас дошли две «отписки» якутского воеводы Лодыженского 1658-1659 годов. Обе «отписки» посвящены именно добыче моржовой кости на Анадыре и ее доставке в Якутск. Воевода пишет, что он приказал жиганским служилым Андрею Булыгину и Лариону Ламе «на встрече» торговых и промышленных людей взвесить и записать весь «рыбий зуб». Все это Булыгин исполнил и донес, что Василий Бугор, Анисим Костромин, Никита Семенов и другие дежневцы «объявили» в Жиганске о привозе моржовой кости. Это происходило именно «в Жиганах», ибо в «отписках» упомянуто, что Василий Бугор сделал там вклад в новую часовню моржовыми клыками. Анадырская кость была доставлена морем, прошла через таможенную заставу в Жиганах. В этом можно легко убедиться, прочитав «отписки» Лодыженского. Они напечатаны в 1935 году в сборнике «Колониальная политика Московского государства».

Мы оставили Семена Дежнева на Анадыре в 1655

году, в то время когда он послал с Чекчоем и двумя казаками свои «отписки» в Якутский острог.

Вскоре Дежнев лишился старых друзей – аманатов Колупая и Лока. Они пошли к оленным ходынцам для соболиного торга и не вернулись обратно. Вскоре пришла весть, что отважный анаул Колупай был убит.

Время проходило в простых трудах, в отправлении «государевой службы». Семен Дежнев собирал десятинную пошлину с промышленных, переписывал имущество убитых и умерших и ходил собирать ясак вместе с Юрием Селиверстовым. Каждый год казаки плавали к Анадырской корге и возвращались оттуда с грузами моржовой кости.

Неугомонный «князец» Мекер время от времени налетал на ясачных анаулов и громил их. С Пенжины, из-за «Камня», приходили немирные коряки и тоже побивали ясачных людей, которые после каждого «погрома» шли за помощью и защитой к Дежневу.

Вероятно, тогда же костяная казна и была отправлена в Жиганы, где великолепный Ветошка в своей красной шапке буйствовал в кружале, как будто только за этим он приплыл туда с Анадыря! Около этого времени видели и Василия Бугра на море к востоку от Лены. В одной из бумаг 1659 года есть также упоминание о том, что Юрий Селиверстов проходил морем Святой Нос и «с дороги» прислал в Якутск груз мор-

жовых клыков.

Дежнев на Анадыре жил теперь с новыми людьми. Старые соколы его разлетелись в разные стороны. И кто из новых пришельцев мог понять, что потемневший от времени частокол поставлен руками Дежнева, его руками вырыты первые могилы, им впервые повенчаны служилые с ясырными женками?

ЧЕЛОБИТНЫЕ И ЧЕРТЕЖИ

Дежневу пошел шестой десяток. Он носил на теле девять ран, – лишь одной не хватало для ровного счета. За плечами большая и трудная жизнь, устья великих рек, пройденные одно за другим от Белого моря до Восточного океана.

О последних годах его анадырской службы известно мало. В 1659 году старый, заслуженный землепроходец Курбат Иванов пришел к Семену Дежневу на Анадырь и принял у него острожек, аманатов и казну. Но открыватель новой страны не смог ее сразу покинуть, расстаться с местами, где он прожил десять славных и трудных лет. Видимо, на положении рядового промышленного Семен Дежнев остается и острожке еще на два года. Товарищи прежних странствий Артемий Солдатко и Фома Семенов Пермьяк сопровождают его в походах на Анадырскую коргу.

Наконец в 1662 году Дежнев и Артемий Солдатко пришли в Якутск и явились на съезжую избу к воеводе Голенищеву-Кутузову. Там они могли узнать, что незадолго до этого Тарас Стадухин, торговый человек, снаряжал большой поход «проведывать непроходимого носу кочами подле земли», но дальше Шелагского мыса проплыть не мог.

Однако в Европе в том же году стал известен отчет португальского морехода Мельгиера, сообщившего, что он якобы прошел из Японии через Аниан и Ледовитое море в Европу. И в том же году пролив Аниан снова появился на карте голландца де Витта!

А тот, кто на самом деле разрешил вековую загадку мировой космографии, прилежно выводил царский титул в челобитной. Она, как и все известные нам бумаги Дежнева, тоже не является прямым донесением о его открытии. Свои труды и подвиги Дежнев перечисляет лишь по той причине, что просит о выдаче государева хлебного и денежного жалованья за прошлые годы. «За кровь, за раны и за многое терпенье», за голодную и холодную жизнь, когда «всякую скверну», не говоря уже о сосновой коре, есть приходилось, Семен Дежнев просил лишь то, что бесспорно полагалось ему по закону. Из этой так называемой первой челобитной 1662 года мы узнали о енисейской службе, о янском и индигирском походах, о пребывании Дежнева на полюсе холода. Это обзор его трудов за двадцать один год. Здесь описаны битва с князем Аллаем и походы на юкагиров, сбор ясака на сторонних реках. Но что самое важное в челобитной 1662 года – это то, что Семен Дежнев указывал точно, сколько кочей вышло с ним из устья Колымы в 1648 году, сколько людей было на судах, писал, что его коч по-

гиб, «прошед Анадырское устье». Здесь не было места пламенному спору со Стадухиным и обличению Юрия Селиверстова. Это был вопль человека, не получившего заслуженного, обнищавшего, отягощенного великими, неоткупными долгами...

Иван Большой Голенищев-Кутузов, воевода якутский, счел возможным выдать Дежневу для начала соляное жалованье за девятнадцать лет, и тот не знал, куда ему девать столько тяжелых кулей. Челобитную Дежнева воевода «в столп» не положил, хотя это было можно сделать легче всего. Он отправил ее в Москву с жиганским целовальником Ларионом Ламой, который когда-то делал досмотр анадырской костяной казне на жиганской морской заставе. Самому Дежневу воевода дал важное поручение – вывезти в Москву все запасы моржовой кости анадырской и иной добычи.

Вероятно, по снежному первопутку 1662 года из ворот Якутского острога и вышел обоз с костяной казной. Неизвестно, как добирался Дежнев до Москвы. Долгий путь был опасным. В том же году вспыхнул мятеж сибирских племен. Внук Кучумов Девлет-Гирей предавал огню города и остроги, свежие пепелища возвышались на месте торговых слобод. Под самым Тобольском занимались пожары восстания. Любопытные тоболяки не могли оставить без внимания

проезд Дежнева через столицу Сибири. В то время в Тобольске жил Юрий Крижанич, ученый «сербенин», коротавший свое сибирское одиночество за книгами и рукописями. Уж он-то знал все об Аниане и мысе Табин и, читая Павла Иовия в подлиннике, мог оценить великие мысли Дмитрия Герасимова о Северном морском пути.

Радея о нуждах русского народа, Крижанич записывал вести об открытиях и обретениях в Сибири, о богатствах ее морей и недр. Мореходы и рудознатцы, торговые люди и казаки, зверобои и даже звездочеты, которых он отыскивал в Сибири, – эти люди и их дела занимали пытливого воображение Крижанича.

В то время когда Дежнев ехал в Москву с дарами северо-восточного моря, Юрий Крижанич начал один из своих трудов, известных потом под названием «Политичны думы». В нем были страстные обличения продажности московских приказных, готовых за деньги открыть перед иноземцами двери заповедных хранилищ, выдать любые чертежи и описания новых владений государства. Крижанич писал, что от этого русскому народу не избежать «срамоты перед всем светом». Он уличал Адама Олеария в том, что он тоже скупал бесценные сведения у продажных хранителей государственных дел.

Русские сами должны добывать свои богатства,

торговать ими, не давая наживаться алчным иноземцам, – этой мыслью были пронизаны сибирские творения Крижанича.

Чего он только не знал! Вот строки о горючих сланцах Курляндии с упоминанием, что подобный им дорогой камень есть и в Сибири. Вот пожелание, чтобы торговые люди, привозя товары в большие города, доставляли туда и образцы руд, если прослышат где-нибудь про них. Народное богатство несказанно умножится, если руды будут «во всяком возу и во всякой ладье».

Крижанич горевал, что «преславное государство» русское, безмерное по просторам своим, однако еще заперто для торговли. С севера – оковы Ледовитого моря, на юге, в Азове и Черноморье, – господство крымцев, астраханскому торгу угрожают ногайцы. Он предлагал устроить торжища, откуда можно было бы простереть руку к Индии и Китаю. И во все эти рассуждения вдруг врывается мысль: не сыщется ли путь в Индию из Мангазеи?

«А со временем и по морю отсылать свои ладии и наипаче в Китай, и инамо в Индию Сибирским путем», – мечтал Крижанич.

О «рыбьем зубе» он обронил несколько слов в «Политичных думах», предлагая позвать в Сибирь мастеров, знающих искусство обработки моржовой кости. В

другом месте я еще скажу о том, что Крижанич, безусловно, знал об открытии Дежнева, а пока оставим «Юрия-сербенина» в его тобольской келье, склоненным над рукописями и старыми чертежами, на которых темнел пресловутый Аниан.

Привоз костяной казны в Москву не мог не возбудить толков и разговоров об этом событии. В одно время с Дежневым в столице находился столь известный потом Николай Витсен из Амстердама. Он прибыл в свите нидерландского посланника.

Витсена часто видели в Сибирском приказе, где он собирал данные для будущей карты Северо-Востока. Ему покровительствовал патриарх Никон, обладатель огромного всемирного атласа амстердамца Вильгельма Блеу, переведенного по патриаршему приказу на русский язык. Уже тогда Витсен встречал в Москве жителей Севера «самоедов», расспрашивал их о странах у Ледовитого океана.

Мог ли Витсен остаться равнодушным к известию о привозе из далекого Якутска богатств вновь открытой страны? Но мы не знаем, видел ли Витсен героя Анадыря, хотя должен был знать о его приезде и от Виниуса-отца, и от главы Сибирского приказа – Родиона Стрешнева. Так или иначе, в 1665 году или в последующие годы, когда Витсен продолжал сбор сведений о Московии и ее народах, до него дошли первые рус-

ские свидетельства о чукчах, чуванцах, ходынцах, коряках.

А тот, кто открыл эти племена, изведавший и дружбу, и стрелы ходынцев, завоевавший у кереков великое моржовое лежбище, томился в ожидании поздних милостей. Он прямо писал, что боится быть убитым на долговом правеже.

Воплю Дежнева наконец вняли, и приказные стали считать, сколько он должен получить за все годы службы деньгами. Хлебное жалованье перевели на деньги, потом прикинули, сколько лет ходили медные деньги, и эти «медные годы» перевели на серебро 1665 года. Дежневу сказали, что ему причитается 126 рублей, 6 алтын и 5 денег. Челобитья и выписки пошли к самому царю, и тот повелел выдать Дежневу заслуженное – треть деньгами, а две трети сукнами. Ему отмерили около ста аршин сукна вишневого и зеленого цвета. Этого количества хватило бы, чтобы одеть весь Анадырский острог! Деньгами он получил немногим более 38 рублей. Тогда он подал новую челобитную, просил «поверстать» в сотники по Якутскому острогу «за кровь, и за раны, и за ясачную прибыль». Он двадцать лет служит «приказным человеком за атамана», а числится рядовым! Приказные поглядели в сибирские «отписки» и росписи и узнали, что по Якутскому острогу есть только одна свободная

должность – атамана. 28 февраля 1665 года окольный Родион Стрешнев по царскому указу поверстал Семена Дежнева в казачьи атаманы.

Атаман Дежнев написал в Москве свою последнюю, четвертую челобитную, от 25 февраля 1665 года, которая сохранилась в столбце № 762 Сибирского приказа. Она очень коротка и выразительна, и ее стоит привести полностью.

«...в нынешнем, государь, во 173 году, по твоему, великого государя, указу волокусь я, холоп твой, в Якуцкой острог, на твою, великого государя, службу, а племянник мой Ивашко Иванов живет на Устюге Великом ни в тегле, ни в посаде – скитаецца меж двор и с женою своею с Татьянкою Григорьевой дочерью. Милосердный государь-царь... самодержец! Пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, того моего племянника Ивашку с женою его Татьянкою с Устюга Великого взять с собою в Сибирь в Якуцкий острог и воли, государь, о том дать свою, великого государя, проезжую грамоту. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!»

Двести двадцать пять лет пролежала эта челобитная Дежнева в столбцах Сибирского приказа. В печати она появилась в 1890 году, в двенадцатой книге «Журнала министерства народного просвещения» (стр. 305-306). Поиски в архиве открыли и переписку приказных о дежневском племяннике. Дело ре-

шили так: если Ивашка Иванов «вольной, а не тяглою и ничей не крепостной», если за ним нет государевых долгов и тягл, то его можно отпустить в Сибирь. Об этом была написана грамота на имя воеводы Велико-го Устюга, и грамоту выдали Дежневу на руки. Он пошел в Ямской приказ и получил подорожную. Ему были обязаны подавать подводы, проводников, лодки с кормщиком и гребцами. И, наверное, Дежнева сопровождала надежная охрана, так как ему доверили доставку денежной казны в Якутск.

В марте 1666 года Дежнев был уже в пути. Дорога на Устюг Великий проходила через Троице-Сергиеву лавру, Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Вологду и Тотьму. Анадырский атаман гостил на своей родине после разлуки, которая продолжалась, надо думать, не менее тридцати лет. За это время город-красавец разросся, украсился новыми строениями. Дежневу в Устюге не миновать было долга Гусельниковых. В то время в Соли Вычегодской и Великом Устюге трудились великие искусники – мастера резьбы по кости. Дежнев мог видеть, как пластина из моржового клыка превращалась в тончайший узор, костяное кружево, белый перстень, через который просвечивало светлое северное солнце... А на другом конце земною шара, на глиняных рынках Персии, восточные мастера вырезали из анадырской кости тяжелые

рукоятки для кинжалов и сабельных клинков. Еще в 1662 году московские «купчины» Иван Тюрин и Дмитрий Алмазников, получив в Купецкой палате при Сибирском приказе груз дорогой кости, повезли его в «Кизилбаши» – за синее Хвалынское море.

Снежными дорогами, волоками и реками Дежнев больше года ехал и плыл к Якутску.

Русские люди из Якутска бродили тогда по Даурии, доходили до Нингуты, и китайцы занесли в свои летописи свидетельства о появлении в Маньчжурии «людей из царства Ло-че» с впалыми зелеными глазами и красными волосами.

Якутские служилые искали в те годы не только соболей. Совершались увлекательные походы для поисков всякого «узорочья». В свое время, когда Дежнев бродил по берегам стремительной и мрачной Индигирки, ему было не до дорогих камней. Но теперь, проведая и соболей, и «рыбий зуб», наши землепроходцы уже разведывали богатства земных недр. При Семене Дежневе его соратники ходили на Индигирку и приносили оттуда глыбы чистого, как вода, горного хрусталя. Дмитриев и Степан Жемчужник пошли туда, где «под камнем Муткеем» при отливной воде были видны жемчужные клады северного моря. Но искатели жемчуга были побиты коряками.

Казак Степан Щербаков прослышал о серебряных

плавильнях у разных племен на устье Амура и предлагал воеводе снарядить поход в страну серебра, плыть к ней морем на кочах от ясачного Тугурского зимовья.

Начальствовал ли Дежнев над казаками-рудознателями, сам ли ходил с ними за рудами и жемчугом, бывал ли по старой памяти на Анадырской моржовой корге, мы не знаем. Известно только, что в Москве он хлопотал о праве закупать в казне по 300 пудов хлеба на каждый год. Значит, он хотел «подниматься» на новые реки или идти «морем вперед» – к востоку, как это сделал семнадцать лет назад. Новая счастливая архивная находка, сделанная Н. Н. Оглоблиным в самом конце XIX века, открыла нам еще одну главу из последних лет жизни атамана Дежнева. Князь Иван Ворятинский, тобольский воевода, когда-то ездивший послом в Стокгольм, в 1670 году доверил Дежневу доставку соболиной казны и деловых бумаг Якутского острога в Сибирский приказ.

Снова началось долгое путешествие... С Дежневым ехали целовальники. Один из них, жиганский служилый Иван Самойлов, когда-то принимал от дежневцев первую костяную казну и отвозил в Москву опечатанный безмен, на котором была перевешена анадырская моржовая кость. Он доставил в Сибирский приказ и соболиную казну 1659 года.

До нас дошла «наказная память», составленная перед этой поездкой Ивана Самойлова, и по «памяти» можно судить, что провоз соболиной казны был делом нелегким. У оленьих и яловичных сум и холщовых мешков, в которые были сложены соболя, на судах днем и ночью стоял караул, держа пищали наготове. Второй караул шел берегом, «на бечеве». Так поднимались по Лене до устьев Куты или Муки. Там хранители соболей расспрашивали, нет ли где близко «воровских брацких людей». В случае опасности служилые должны были укрыться в Верхоленском остроге и биться до последнего, защищая соболиную казну. От Куты или Муки драгоценные меха везли через волок на подводах до Илимского острога. Оттуда плыли к Енисейску, затем ехали волоком до Маковского острожка, где должны быть приготовлены речные дощаники. Кетью-рекой проходили и Обь, плыли до Нарыма, Сургута и устья Иртыша. По желтому иртышскому руслу доходили до Тобольска.

Строго-настрога было наказано, чтобы служилые, отпущенные с соболиной казной «к государю в Москву», в дороге не роняли своего достоинства: не воровали по городам, ямам и слободам, в кружала не ходили, в зернь и карты не играли, не нарушали некоторых других нравственных правил. Ослушников было велено нещадно бить батогами, а расправа пору-

чалась местным властям.

В Тобольск и Тюмень старались попасть «водяным путем» – в то же лето. В Верхотурье ждали первых морозов и хорошего снега, чтобы ехать санями до Соли Камской, подняться на Каменный пояс и, перевалив через Урал, следовать уже «русскими городами». Там, за Кайгородком, начинались родные для Дежнева места – Соль Вычегодская, Устюг Великий, Тотьма, Вологда.

Так он ехал с заряженной пищалью в руках, приглядывая за сумами с соболиными шкурами и за тюками, куда были сложены ясачные и именные окладные книги, денежные и хлебные списки Якутского острога.

ТОБОЛЬСКИЕ КОСМОГРАФЫ

В Тобольск Дежнев прибыл в конце июня 1671 года и задержался там для отдыха до августа. В городе был большой подземный склад, погреб чудес, описанный неизвестным путешественником в 1666 году. В этом подземелье, одетом камнем, писал неизвестный, хранились сокровища Сибири и стран Востока – соболя и бобры, товары из Китая и живые соколы. Здесь досматривал тобольский воевода князь Иван Репнин дежневских соболей и прикладывал к сумам свои печати.

Предшественник князя Репнина Петр Годунов в стенах тобольского девятибашенного острога руководил составлением знаменитого чертежа Сибирской земли. Это было в 1667 году, когда воевода-космограф окидывал своим умственным взором всю Сибирь – от Тобольска до земли Индейской и Тангутской. Чертеж этот составляли по «скасам» и «отпискам» бывалых людей, таких, как Дежнев, Стадухин, Курбат Иванов, Ярофей Хабаров. «Всех чинов люди», знающие хорошо сибирские реки, города и остроги, урочища и земли, участвовали в составлении этой еще наивной и грубоватой карты недавно обретенных земель. Петр Годунов мог держать в руках чертеж Дежнева, на кото-

рый он нанес Анадырь, его притоки и поморье с моржовой коргой. Путь из Лены в устье Амура на карте Годунова был свободен. Прямых указаний на открытие Дежнева не было, хотя была обозначена река Камчатка. Так до Годунова дошел слух о стране, где погиб Федот Попов. Знаменитого «Необходимого Носа» на первом годуновском чертеже не было.

Прошел какой-нибудь год после издания чертежа тобольских космографов, и он попался на глаза Клаасу Прютцу, прибывшему в Москву с посольством Карла XI, короля шведского. Прютц вымолил у князя Ивана Воротынского годуновский чертеж на несколько часов, дав честное слово в том, что не будет его снимать. Слова он не сдержал и, запершись в посольском покое, стал лихорадочно перерисовывать произведение тобольских космографов. В Швеции помнили о донесениях де Родеса королеве Христине, а Карл XI преобразовывал армию и флот, пристально оглядывая восток, где раскинулись владения великого соседа – от Печенги до «Ламского моря» и Амура. Прютц уверял, что чертеж, который он брал у царева родича Воротынского, был уже порядком потерт и восстановить его полный первоначальный вид было трудно.

В том же году придворный художник Станислав Лопуцкий переслал в Амстердам часть годуновского чертежа, и Витсен вскоре выступил с утверждением,

что к востоку от Новой Земли лежит морская дорога в Китай и Японию. Целиком и по частям чертеж Годунова переправляется в чужие страны. Это ли не торжество «чужебесия», хозяйничанья иноземцев на Руси, о котором с гневом писал Юрий Крижанич в своем тобольском уединении? Кстати, сам Петр Годунов не понял благих намерений Крижанича и, увидев однажды на его рабочем столе книгу Олеария, отобрал ее у ученого хорвата. А ведь именно с Олеария и начинал свои обличения Крижанич, говоря, что «Олеар-немчин» за деньги покупал сведения о Московии и окрестных странах. Утешаясь чтением путешествия Джона Мандевиля, которое считалось тогда за подлинное описание странствий по Индии, Китаю и владениям «попа Иоанна», Крижанич не забывал и о Сибири.

«Чужебесие» меж тем не прекращалось. В год создания чертежа Годунова в Московии появился саксонец Лаврентий Рингубер, приближенный герцога Эрнста Благочестивого. Рингубер именовал себя «доктором» (знал бы он соображения Крижанича о том, как часто «чужебесие» прикрывается пышными, но ложными титулами!). Рингубер, вероятно, видел годуновский чертеж еще свежим. Прошло каких-нибудь лет шесть, и Рингубер, вновь появившись в Москве, начинает втолковывать царю, что в Готе уже решен во-

прос – пора открывать Северный морской путь в страны Востока!

Одновременно шведский соглядатай, военный агент Эрик Пальмквист, уже не раз побывавший в Московии, подкупает приказных, получает от них множество сведений о Сибири, и в его руках оказывается драгоценная копия чертежа Годунова! Много узнал Эрик Пальмквист о сибирской дороге, той, по которой ехал Дежнев с соболиной казной и якутским архивом, о расстояниях между острогами и городами. Годуновский чертеж 1067 года исчезает, утрачивается навеки, и мы с большим и непростительным опозданием получаем возможность изучать его только по иноземным копиям.

Жаль, что перевод, принятый обычно при передаче отрывка, не передает вполне своеобразия письма Юрия Крижанича, да к тому же свою «Историю Сибири» он написал по-латыни. Вот этот отрывок по сборнику Титова:

«Было и другое сомнение: соединено ли Ледовитое море с Восточным, омывающим с востока Сибирь, затем, южнее, области Даурию и Никанию и, наконец, царство Китайское; или же моря эти, то есть Ледовитое море и Восточное, или Китайское, отделены друг от друга каким-нибудь материком, простирающимся от Сибири на Восток? Сомнение это в самое послед-

нее время было разрешено воинами Ленской и Нерчинской области: они, собирая с туземцев дань, прошли всю эту страну до самого океана и утверждают, что к востоку нет никакой твердой земли и что сказанные моря ничем друг от друга не отделены, но что Сибирь, Даурия, Никания и Китай (или Сина) с востока омываются одним сплошным океаном. На вопрос же некоторых, могут ли корабли от гавани св. Михаила Архангела или же от устья реки Оби и города Березова, плывя непрерывно около берегов Сибири, Даурии и Никании, приплыть к Китаю, упомянутые воины отвечали, что в Ледовитом море лед никогда не тает вполне, но в течение всего лета по водам плавают в большом количестве огромные глыбы льда, сталкиваясь между собою; поэтому глыбы эти (особенно при сильном ветре) могут уничтожить какое угодно судно»⁵.

Так писал Юрий Крижанич, и для каждого ясно, что здесь речь идет о Дежневе, о его знаменитом походе и о тех его товарищах, которые почти в одно время с ним сведывали низовья Амура, Шантарские острова, Сахалин и холодное, светящееся «Ламское море».

Все сведения для «*Historia de Sibiria*» Крижанич получил из уст самих открывателей. Дежнев был в То-

⁵ А. Титов. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890, с. 115.

больше уже в третий раз, а в 1671 году «Юрко-сербенин» жил еще там. От кого слышал он рассказ о морском походе из Колымы «в передний конец за Анадыр-реку»?

Семен Дежнев ведет деловые разговоры с почтенным гостем московским Остафием Филатьевым. Охранив соболиную казну, не допустив служилых к игре в зернь и прогулкам по кабакам «русских городов», побывав в родном Устюге Великом, Дежнев вступил в Москву через Сретенские ворота Земляного города в самый день рождества 1671 года. Несмотря на большой праздник, он отправился в Сибирский приказ, где бодрствовали сменные дневальные.

Днем приема соболиной казны ему назначили 29 декабря. Главным оценщиком мехов был Остафий Филатьев, заслуженный купчина, приказчиков которого Дежнев не раз видел в Якутске. Филатьев пересчитывал соболиные «сорока», разглядывал темный шелковистый мех и дал заключение, что казна находится в полном порядке. Его не смутило то, что в дороге Дежневу не раз приходилось вынимать соболей для просушки, ставить заплаты на сумы. Наоборот, Филатьев одобрил такую заботу Дежнева о дорогом грузе и срезке казенных печатей не придавал никакого значения, раз вся казна была в наличии⁶.

⁶ Это был тот самый Филатьев, который три года спустя отрядил Гав-

Привоз соболиной казны и «дел» Якутского острога в Москву был последним трудом Дежнева, о котором нам известно из архива Сибирского приказа. Что делал Дежнев, где жил после 29 декабря 1671 года, этого никто пока не знает.

Возможно, что он провел при Сибирском приказе, как сведущий человек, весь остаток своей жизни. Он мог видеть у подьячих Сибирского приказа второе издание годуновского чертежа, где к востоку от сибирских берегов простирается море, а в описании чертежа упомянуто: «А от усть Колыми-реки и кругом земли мимо устей рек Ковычи и Нанaborы и Ильи и Дури до Каменной преграды, как бывает, что льды перепустят и до того камени парусом добегают об одно лето, а как льды не пустят и по 3 года доходят. А через тот камень ходу день; а как на него человек взойдет, и он оба моря видит – Ленское и Амурское; а перешед через камень, приходит на реку Анадырь, и тут промышляют кость рыбью. А на той земле живут гилянские люди; а против устья Камчатки-реки вышел из

рилу Романова с караваном в гости к самому богдыхану. Гаврила Романов вышел из Селенгинского острога и двинулся через монгольские пустыни к Калгану, достиг Великой китайской стены, у подножья которой русских видели еще в первые годы царствования Ивана Грозного. Оттуда Романов дошел до Пекина, где повидал богдыхана. Будучи знаком с Остафием Филатьевым, Дежнев мог знать о сборах каравана в Китай. Китайцы в те годы охотно брали сибирских соболей, горностаев и «рыбий зуб».

моря столп каменный, высок без меры, и на нем никто не бывал. А которые реки в Гилянской земле, и тем рекам имена подписаны. А в реке Анадыру есть два волока к реке Ламе да на реку Блудную; а Лама-река пала в Амурское море, а Блудная пала в Колыму-реку, а Колыма в Ленское море; а меж рек Нанaborы и Ковычи и протянулся в море нос каменный, и тот нос насилу обходят»⁷.

Значит, Дежнев не зря сведывал на Анадыре о морских льдах и течениях около «Необходимого Носа». Обойти его можно, пусть не каждый год выпадает мореходу такая удача, но дерзать надо! Так смотрел на дело сам Дежнев, и его мысли нашли свое отражение в описаниях к чертежу Годунова. Эти описания были разделены на «границы»; таких «граней» было восемь, и последняя из них охватывала и теперешний Чукотский полуостров, и реку Анадырь.

«А есть проход в Китайское царство», – обмолвился составитель описания, и неясно, относит ли он этот проход к проливу, открытому Дежневым, или к проливу Татарскому. Да это уж и не так важно. Гораздо существеннее то, что сибирские космографы понимали: Ледовитое море и море Восточное связаны между собою! Так Семен Дежнев при жизни мог видеть плоды своих неутомимых трудов.

⁷ А. Титов. Сибирь в XVIII веке. М., 1890, с. 53-54.

БЕЗВЕСТНАЯ МОГИЛА

О его смерти сохранилась скупая запись в окладной книге денежного, хлебного и соляного жалованья людей Якутского острога. Около 1890 года эту книгу № 1344 нашли в архиве Сибирского приказа. На одной из ее страниц упоминались казачьи атаманы Якутска.

«Семен Дежнев во 181 году на Москве умре, а оклад его в выбылых», – было написано на 377-м листе этой отчетной книги⁸. Вот и все, что мы знаем о смерти неутомимого землепроходца и морехода.

Он прожил на свете около семидесяти лет, из них добрых полвека отдал скитаниям и открытиям. На каком кладбище русской столицы затерялась могила открывателя Аниана, первого исследователя Индигирки, Колымы и Анадыря? В те времена в Москве умерших хоронили не на больших общих кладбищах, а в оградах приходских церквей. Знатоки истории древней Москвы должны знать, где именно, в каких слободах и улицах, селились в XVII веке выходцы из Русского Поморья и Сибири. Там Семен Дежнев должен был провести последний год своей жизни, там надо искать место, где погребен прах этого замечательного

⁸ Н. Оглоблин. Смерть С. Дежнева в Москве в 1673 году. – Журн. «Библиограф», 1891, № 3, 4, с. 60-62.

человека.

Памятников Семену Дежневу долго никто не воздвигал, если не считать деревянного креста, поставленного на мысе Дежнева в начале нашего века. Этого креста давно нет в помине. К угрюмому великолепию мыса Дежнева, к его темным сиенитовым скалам как нельзя лучше подошел бы белый памятник-маяк в честь человека, открывшего «Берингов» пролив⁹. Мыс Дежнева с постом Дежнева, Дежневский хребет на Чукотке, «населенный пункт» Дежнево на Амуре, бухта Дежнева близ мыса Ананнон – вот чем отмечена память о великом открывателе в нашей стране. Но путешественник, посетивший родину Дежнева – Устюг Великий, будет тщетно искать улицу Семена Дежнева. Ее еще нет. И города Дежнева еще нет на картах сказочного по своим богатствам Колымского края, где когда-то наш герой с пищалью за плечами «приискивал новые реки».

Мы проследили его жизненный путь от колыбели в Устюге Великом до палисадов Анадырского острога, от темного морского мыса до безвестной могилы в Москве.

Остается сказать еще о том, как поздние современ-

⁹ Так писал я в 1948 году. Ныне на мысе Дежнева высится памятник-маяк. Моя мечта осуществилась. Памятник Дежневу воздвигнут и в Устюге Великом.

ники и ближайшие потомки Семена Дежнева, а также ученые Европы отнеслись к его открытию.

Через два года после смерти Дежнева, когда из Пекина возвратился караван с товарами Остафия Филатьева, к богдыхану отправился русский посол Николай Спафарий-Милеску.

Отправление посольства Спафария было вызвано сочинением Юрия Крижанича «О Китайском торгу», которое «Юрко-сербенин» незадолго до этого отправил в Москву с верным человеком Афанасием Осколковым. По приезде в Тобольск царский посол немедленно разыскал Юрия Крижанича. Они проводили время в долгих беседах о том, какой наиболее короткий и удобный путь в Китай избрать Спафарию.

Во время сборов посла обсуждался вопрос, можно ли пройти в Китай северными морями.

В Тобольске воевода Петр Салтыков собрал в приказной избе бывалых людей – казаков, детей боярских, татар и сибирских бухарцев. Тогда, видимо, были вновь потревожены тобольские архивы, развернуты свитки и чертежи, перечитаны старые «отписки» землепроходцев. В путевых заметках Спафария появились записи о «Гилянской земле» с ее восемью реками, в число которых Спафарий включил Анадырь. Спафарий свидетельствовал, что истоки Анадыря скрыты в «Камени», а где конец «Камня», никто

не знает, потому что «льды не пропускают». С вершины «Камня» видны два моря. От Колымы до «Камня» под парусами можно пройти за одно лето, если пропустят льды. «И те места край и конец Сибирской земли», – заключал Спафарий свое сказание¹⁰. «Камень» – Чукотка с ее знаменитым мысом, и к востоку от нее – только море!

Сообщая, что горы Сибири слагаются в один огромный «Каменный пояс» от степей у Иртыша до берега Восточного моря, Спафарий-Милеску прибавлял: «Сказывают, что камень идет до самого Западного Инда и Нового Света». Догадка о соседстве Азии и Америки не могла сама прийти к Спафарию, если бы он не беседовал с сибирскими бывалыми людьми, не просиживал подолгу с «Юрко-сербенином». В те времена еще думали, что с Америкой соединены Новая Земля или Шпицберген. Спафарий же был более всех близок к истине; хотя и его представления о северо-востоке Азии не были свободны от ошибок.

Плавали к «Необходимому Носу» русские люди и после Дежнева. В 1681 году старый Курбат Иванов пошел морем в Анадырский острог – сменить начальство

¹⁰ «Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границы Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году». Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева. – «Записки Русского географического общества» по отделению этнографии, т. X, вып. 1. СПб., 1882.

го человека Ивана Потапова. И, точь-в-точь как некогда было с Дежневым, кочи Курбата Иванова «судом божиим» разбило на море, а сам он со своими служилыми добрался до Анадыря на нартах. Кстати сказать, в том году в Анадырском остроге еще были живы старые дежневцы Панфил Лаврентьев, Афанасий Андреев, Фома Семенов Пермьяк. Но вот Витсен в Амстердаме разглядывает свежий чертеж. Это его знаменитая «Новая ландкарта Северо-Восточной Азии и Европы». У нас она хранится, как большая редкость, в Ленинградской Публичной библиотеке; витсеновский чертеж подробно изучен такими трудолюбивыми исследователями, как академик Л. С. Берг. В третьем издании его книги «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга» вы найдете подробное описание того, как на трудах Витсена отразились сведения годуновского чертежа. На месте Чукотки Витсен нанес узкий полуостров «Серес Камень», у северного конца которого написал: «Необходимый Нос». «Это первое картографическое изображение «Необходимого Носа», – замечает Л. С. Берг, Анадырь и река Камчатка на карте Витсена впадают в Восточный океан.

Любопытно, что «Необходимый Нос» иногда принимал огромные размеры и в сознании современников Дежнева превращался определенно в... Камчатку! Так можно понять свидетельство, помещенное

в «Описании новые земли, сиречь Сибирского царства» (1685-1686 годы). «От устья Чюндона (Чендона, Гижиги) в теплое океан-море пошел великий „Камень“ пятьсот поприщ длиною до самого Амурского устья ... а за тем каменем нос, который в морскую пучину пошел в сторону царского величества в сибирские города: в Якуцкий острог, в великую реку Лену, в Мангазейский острог и в Туруханской...» – говорилось в «Описании». «Нос», устремленный в сторону Сибири, может быть теперешним мысом Дежнева. Если «великий камень» – полуостров Камчатка, приходится думать, что ближние потомки Дежнева прекрасно знали не только грань между Ледовитым морем и Тихим океаном, но и север «Теплого моря». «А от Амурского устья по теплому морю до каменного носа и от каменного носа по студеному морю-океану до устья великия реки Лены, и от Лены тем же океаном до рек устья Енисея и Мангазейки по морю-океану, по берегу, много рыбьей кости зверя моржа лежит», – написано дальше. Даже если «Великий Камень» не Камчатка, а прибрежные горные хребты к северу от устья Амура, наши землепроходцы XVII века все равно понимали, что к югу от «Необходимого Носа» лежит другое, «Теплое» море. Иметь такое представление о побережьях двух океанов и очертаниях Камчатки можно

было, только пройдя путь, проложенный Дежневым¹¹.

Вполне допустима мысль, что после похода Дежнева совершались неизвестные нам плаванья от Анадыря к мысу Ананнон и дальше к югу, вдоль восточного побережья Камчатки. Возможно, что были походы и со стороны устьев Пенжины, Тауя и Охоты, где успели побывать Стадухин и другие проведыватели новых земель.

¹¹ В 1690 году служилые люди Якутска, недовольные воеводой, составили «воровской замысел». Они хотели бежать в «дальние заморские зимовья, за Нос». Следовательно, «Необходимый Нос» не был для них непреодолимой преградой.

ПРОЗРЕНИЯ ИВАНА МУСИНА-ПУШКИНА

О том, что Америка – соседка Колымы и Анадыря, русские люди уже догадывались в то время.

Об этом свидетельствовал Филипп Авриль, член «Ордена Иисуса», посланец французского короля Людовика XIV.

Тридцатитрехлетний иезуит появился впервые в Москве в самом начале 1687 года. Он просил разрешить ему проезд в Китай через Сибирь. Но Авриля не пропустили в Пекин и выслали из Москвы так быстро, что он даже и Китай-города не успел изучить как следует. Аврилю напомнили, что незадолго до этого в Париже было нанесено оскорбление русскому послу Якову Долгорукову. Кроме того, Людовик XIV, посылая грамоты в Москву, делал подозрительные описки в титуле русских государей, чем и унижал достоинство Московии.

Филиппу Аврилю ничего не оставалось, как выехать в Польшу. Там он утешался сбором сведений о Китае при дворе Яна Собесского. В Польше только что побывал думный дьяк Протасий Никифоров, располагавший сведениями о Китае. Протасий по своей про-

стоте рассказывал об этом в Варшаве. Ученый д'Абланкур немедленно записал сведения Никифорова и по ним составил карту путей Небесной империи. Филипп Авриль, в свою очередь, вымолил у Собесского разрешение перечертить для себя карту Протасия – д'Абланкура. После этого Авриль пристроился к свите польского посла и с ним отправился вновь в Москву, но проезжей грамоты в Китай и на этот раз получить не мог.

Ему удалось тайным образом добыть карту и записки Спафария и проникнуть в хранилища московских приказов. Так он получил часть сведений для своей будущей книги, имевшей большой успех. Аврилью удалось увидеться с Иваном Мусиным-Пушкиным, окольничим и судьей Сибирского приказа. Авриль называет И. А. Мусина-Пушкина смоленским воеводой, хотя окольничий в то время лишь получил назначение в Смоленск и еще находился в Москве.

Авриль поразил вид «рыбьего зуба», который ему показали москвиты. Иезуит ценил его выше слоновой кости, вывозимой из Индии. Но Филипп Авриль решил, что это зубы бегемота, а свое невежество в этом вопросе, свалил на окольничего Мусина-Пушкина. Сановник Сибирского приказа не мог не знать о существовании моржей.

Иезуит называл Ивана Мусина-Пушкина одним из

самых умнейших людей, которых Аврилю когда-либо доводилось видеть. При встрече с посланцем Людовика XIV наш окольный завел разговор о происхождении жителей Америки и спросил, что думают об этом в Европе. Выслушав иезуита, Мусин-Пушкин стал, в свою очередь, излагать свои соображения. Вот что говорил он: против устья реки Кавойна (Колыма) есть большой остров, где ловят «бегемотов» ради их дорогого зуба. Охотники за «бегемотами» выезжают на промыслы вместе со своими семьями. Иногда их уносит на плавучих льдинах в море.

«Не сомневаюсь, – говорил Мусин-Пушкин иезуиту, – что многие из охотников, таким образом захваченных, доплывают на льдинах к северному мысу Америки, весьма недалекому от этой части Азии, оканчивающейся Татарским морем. Меня убеждает в мнении моем то, что американцы, обитающие на выдавшейся далее других в море в сей стороне части Америки, одинакового вида с островитянами, которых ненасытная жадность прибытка подвергает гибели или опасному переезду в чужую сторону»¹².

Весь этот отрывок из показаний Авриля стоит напечатать в разрядку, – настолько примечательны свидетельства и догадки окольного И. А. Мусина-Пуш-

¹² М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Изд. 2-е. Иркутск, 1941, с. 464.

кина. Окольничий знал, что Азия оканчивается «Татарским» морем и против азиатского берега находится выступ материка Америки – мыс Принца Уэльского по нашим понятиям. Иван Мусин-Пушкин предполагал, что американские жители «одинакового вида с островитянами», то есть с охотниками на моржей в устье Колымы. Авриль говорит, что московский окольничий прибавлял: «На американском берегу находят многих животных, которые также водятся и в Московии, особенно бобров, которые могли перейти туда по льду».

То, что говорил Мусин-Пушкин французскому иезуиту, повторил потом не кто иной, как... Иммануил Кант: у него есть «Оповещение о плане лекций», которые Кант хотел читать в Кенигсбергском университете в 1775 году. В этой статье философа сказано прямо, что животный мир северо-востока Азии сходен с фауной Северо-Западной Америки. Далее Кант писал, что люди и животные «холодной климатической зоны» в древнее время были вынуждены постоянно менять места своего обитания. Эти места находились, по Канту, «между Азией и Америкой». Филипп Авриль, со слов Мусина-Пушкина, предлагал «разведать об языках», на которых говорят обитатели прибрежной полосы северо-востока Азии и Северной Америки, чтобы установить степень их родства. Иммануил Кант

тоже думал, что племена Американского Севера пришли из Азии.

Стоит вспомнить, что и Александр Радищев, работая в илимской ссылке над записками об историческом прошлом Сибири, не раз погружался в размышления о связи народов Северной Азии с племенами Америки. Он считал чукчей и коряков родственными обитателям Аляски. Но раньше Канта и Радищева окольничий Иван Мусин-Пушкин высказал почти те же мысли. И не нужно забывать, что о его замечательных догадках насчет Америки мы знаем только в передаче Филиппа Авриля, на совесть которого тяжким бременем легли сказочные колымские «бегемоты».

И. А. Мусин-Пушкин был одним из образованнейших людей своего времени. «Птенец гнезда Петрова» руководил изданием переводов научных книг. Служа в «Канцелярии Сибирского департамента», как выражается Авриль, просвещенный окольничий, вне всякого сомнения, знал об открытиях Дежнева и его товарищей, имел представление не только о северо-восточной окраине Азии, но и о побережье Америки – соседки дежневского Анадырского острога.

Что же касается Филиппа Авриля, то он уехал из Москвы в Париж, запрятав в свои пожитки копии московских карт. Иезуит высказывал сожаление, что ему не удалось выведать у Мусина-Пушкина остальных

сведений, столь ценимых в Европе.

«Рыбий зуб», возможно, добытый именно на знаменитой дежневской корге, уже в 80-х годах XVII века нашел себе прочный сбыт и в Пекине. Об этом прямо сказано в записках Жана-Франсуа Жербильона, французского иезуита.

В то время, когда Филипп Авриль так рвался в Китай, патер Жербильон уже жил при дворе богдыхана. Император благоволил к Жербильону.

Жербильон в Пекине водил знакомство с каким-то служивым русским из... Тобольска. Он был захвачен в плен в Албазине-на-Амуре.

История наших землепроходцев – неизведанное море, и «тобольский мандарин» – лишь малая капля этих глубин. Была среди сибирских казаков и горстка служивших добровольно у «богдойского царя» толмачами. В Пекине жил русский поп Максим Леонтьев из Абазина и известный «Гришка-мыльник».

Мыльника в свое время заманили в плен толмачи. Они за ним присматривали и в Пекине, где мыльник с отчаяния решил строить мыловарню, узнав, что ему «отпуску вечно не будет». Во всяком случае, в Пекине во времена Жербильона находились и поп Максим, и «мыльный мастер» Григорий.

Трудно решить, кто из русских был возведен в мандаринское достоинство, но патер Жербильон много

разузнал от этого «тобольского мандарина». Он, судя по тому, что рассказывал иезуиту, бывал и в Енисейске, и на Байкале, не говоря уже о Нерчинске, Селенгинске и Албазине.

На Гришкиной мыловарне или в пекинском прибежище кроткого попа Максима отец Жербильон записывал рассказы албазинских пленников.

«Вся страна к северу от Шилки до Ледовитого моря между меридианом Пекина и Восточным морем совершенно необитаемая пустыня. Московитяне сказали нам, что прошли всю эту страну, не найдя жителей, кроме одного места на берегах реки, называемой Удь, где поселилось несколько охотников и где они составили колонию около ста человек, чтобы воспользоваться выгодами, какие представляет охота этих племен: там находят прекраснейшие меха. Московитяне добавили, что они объехали берега Ледовитого и Восточного морей и всюду находили море, кроме одного места к северо-востоку, где находится горная цепь, вдающаяся очень далеко в море. Они не смогли дойти до конца этих гор, казавшихся недоступными. Если наш материк соприкасается с материком Америки, то это возможно только в этом месте, но соприкасаются они или нет, несомненно, во всяком случае, что они не могут отстоять сколько-нибудь далеко друг от дру-

га», – так писал Жербильон¹³.

Мне кажется, что здесь речь идет снова не о дежневском «Необходимом Носе», не о Чукотском полуострове, а о Камчатке.

Среди богдыханских пленников преобладали албазинцы. Мы знаем, что они не раз ходили по Амуру до самого океана и в «наказных памятях» им было предписано разведывать поморье. Видимо, когда они достигали Удского острога, с севера ранее уже были сведаны Пенжина, Гижига, Тауй, Охота, Улья. Севернее всех их стоял Анадырский острог, прочно обжитый к тому времени, когда албазинские герои вышли к Тихому океану. Короче говоря, все побережье от Пенжины до Амура против западного края Камчатки было пройдено. Тогда именно и появляется свидетельство о «Камне» против устья Чендона (Гижига), который идет до самого Амурского устья. Разумеется, до Владимира Атласова никто и не мог подробно знать конец «этого Камня», павшего в «теплое море», как не знали и его восточного края. По этому-то белому пятну Жербильон и провел мысленную границу между Азией и Америкой. Конечно, Мусин-Пушкин для своего времени знал несравненно больше, чем патер Жербильон, но и этот иезуит был по-своему прав.

¹³ М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I, ч. II. Иркутск, 1936, с. 102-108.

Потребовалось много времени для того, чтобы русский человек прошел от восточного берега Сибири по цепочке Алеутских островов до Аляскинского рога и твердой ногой стал на скалы Нового Света.

Мы давно не вспоминали о мысе Табин. В самом конце XVII века нашелся человек, который отождествил сказочный мыс Табин с местом, уже хорошо знакомым к тому времени русским мореходам. Голдштинец Эверт Исбрант Идес вызвался ехать в Китай с поручениями русского правительства и отправился в путь весной 1692 года. Лет через пять отрывки из дневника Идеса стали появляться в европейской печати, и вскоре Витсен в Амстердаме вызвался подготовить труд путешественника к изданию.

Зная о существовании Святого Носа, Идес уже не верил в пресловутый Табин и окончательностью Азии считал Святой Нос.

У Идеса мы находим подробное описание Ледяного мыса, или Святого Носа, наряду с упоминанием «города Анадырска» и Зашиверского острога на Индигирке, который Идесом был переименован в город «Собачье».

Но гораздо важнее другое. Идес узнал, что обитатели Якутска в «теплое время года» ходят не только к Святому Носу и в город «Собачье», но и на Анадырь, и в Камчатский залив. Но если вдумчивый Авриль изоб-

рел полярных бегемотов, то Эверт Исбрант Идес спутал моржей Анадырской корги с нарвалами. Он писал, что главная цель походов московитов на Анадырь и берега Камчатки – добыча «зуба» нарвалов! Никак не могли понять иноземцы значение древнерусских слов «рыбий зуб», известных нам, кстати сказать, с 1160 года, когда моржовая кость была упомянута под таким названием в летописи времен Юрия Долгорукого!

Стоит задуматься и над таким свидетельством Идеса. Он писал, что русские охотники за нарвалами бьют у берегов Камчатки также китов ради их жира. Из всего этого видно, что вскоре после Дежнева наши предки узнали морской путь к Камчатке и, возможно, действительно побывали на ней еще до Владимира Атласова.

Владимир Атласов, земляк Дежнева, в 1688 году, числясь в Якутске казаком, ездил на Амгу вместе со своим спутником Михайлом Гребенщиком. Якуты жаловались на них. В челобитных упоминалось, что «Володька» и «Мишка» не знают якутского языка. На первый взгляд эта жалоба кажется несколько непонятной. Но если принять во внимание, что Атласов решил объясняться с якутами сначала только при помощи плети и палки, понятен весь ужас туземцев, с которым они встречали Атласова, столь пренебрегавшего тогда изучением языков. Якутский воевода мудро

разрешил это дело, приказав Атласова бить нещадно на козле кнутом. Гребенщика тоже били батогами, «потому что он иноземского языку не знает», как было сказано в приговоре. Атласов, разумеется, тогда не мог предполагать, какие подвиги он совершит впоследствии.

Человек, о котором хорошо знали Ломоносов, Вольтер и Пушкин, в 1695 году был казачьим пятидесятником. Его назначили начальным человеком в Анадырский острог. Атласов сделался прямым продолжателем дела, которое не успели свершить первые строители Анадырского острога.

Неразведанной со стороны Анадыря, вернее – не присоединенной к русским владениям, оставалась одна Камчатка. Владимир Атласов устремился туда. Он прошел полуостров до самого его южного края на мысе Лопатка, где берег круто обрывался в море. Так был сведан весь «Великий Камень» длиной в пятьсот поприщ – страж великого «Теплого моря». Вы помните, что этот «Камень» не раз связывали с «Необходимым Носом» и, возможно, путали их.

Как бы стараясь провести четкую грань между ними, Владимир Атласов спешил в своей «скаске» поведать:

«А меж Колыми и Анадыря-реки Необходимый Нос, который впал в море, и по левой стороне того Носу

на море летом бывают льды, а зимою то море стоит мерзло, а по другую сторону того Носу весною льды бывают, а летом не бывают. А на том Необходимом Носу он, Володимер, не бывал. А тутошние инородцы чукчи, которые живут около того носу и на устье Анадыря-реки, сказывали, что против того Необходимого Носу есть остров, а с того острова зимою, как море замерзнет, приходят иноземцы, говорят своим языком и приносят соболи худые, подобно зверю хорьку, и тех соболей соболя с три он, Володимер, видел. А хвосты у тех соболей длиною в четверть аршина, с полосами поперечными черными и красными...»

Так было записано в бумагах Сибирского приказа. В этой «скаске» Атласов сообщает, что азиатские чукчи и аляскинские эскимосы говорят на разных языках. Он знает, что жители «острова» приносят пушнину на сибирский берег.

«Остров» – Северная Америка.

Когда Владимир Атласов спешил в Москву после камчатского похода, в Тобольске он виделся с Семеном Ремезовым. «Сербенин» Юрий Крижанич был когда-то большим приятелем отца Ремезова – Ульяна, слывшего «волшебником». Семен Ремезов тоже обладал волшебным даром.

Знаменитый мастер и живописец, он умел лить пушки и строить крепости, вести летописи и состав-

лять чертежи. Голландец Витсен заимствовал у него чудесные изображения сибирских городов и крепостей, снятые как бы с птичьего полета. А.-А. Виниус посылал иноземному послу Христофору Гвариенту карту всей Сибири, вышедшую из-под искусной руки Ремезова. Стоит вспомнить, что при этом Виниус имел с иноземцем разговор насчет определения высоты Северного полюса. В то время уже обсуждалась возможность достижения Америки, Китая и Индии морским путем, через Северный полюс.

В 1700 году Семен Ремезов составлял чертежи будущего «каменного Тобольска», пороховых заводов и плавильни для серебряной руды. Владимир Атласов рассказал тобольскому волшебнику о том, что он везет в Москву «скаску» о своих скитаниях и открытиях. «Скаска» была запечатленной: на сложенной бумаге виднелся оттиск серебряной печати с изображением орла, поймавшего соболя. Тогда Семен Ремезов, не помышляя о последствиях дерзкого самовольства, сломал орленую печать. Он не мог ждать! И скоро на чертежах Ремезова появились первые изображения Камчатки, острова «Апонию» и столь известного нам «Необходимого Носа» Дежнева. Ремезов поместил его между Колымой и Олюторой. Стоит сказать, что в то же время царь Петр заказал в Голландии в числе чертежей и «американские» карты.

Прошло еще несколько лет, и продолжатели Дежнева из Анадырского острога пришли на дежневский «Нос». Это были служилый Петр Попов, промышленный Егор Толдин и юкагир-новокрещен Иван Терешкин. «Носовые чукчи» рассказали, что против сибирского побережья в море лежит остров Большая Земля. На ней живут «зубатые люди». Этих людей чукчи недавно захватили в плен. Чукча Макачкин показал их Петру Попову. В 1711 году Попов через чукотских толмачей расспросил аляскинских пленников о Большой Земле, и сказание служилого было записано в Анадырском остроге.

Вскоре швед Филипп Табберт (Страленберг), посланный в Сибирь, узнал, что к востоку от «Чукотской землицы» лежит Большая Земля, населенная «пухоходцами», и что русские проложили морской путь в Камчатку. Один амстердамский картограф, знавший сведения, собранные Страленбергом в Сибири, обмолвился, что «пухоходцы» уже платят дань русским людям. Кто же из русских мог побывать на Большой Земле – Аляске – в первой четверти XVIII века? Сказания о неизвестных нам походах могут покоиться в еще не открытых архивах.

Сейчас мы закроем повесть о Семене Дежневе и его товарищах, живших в столетие упоительных, страшных и трудных странствий. Я не мог закончить

повесть об этих героях в том месте, где было приведено короткое известие о смерти Семена Дежнева в Москве.

Этого было нельзя сделать по той причине, что история жизни и подвига Дежнева входит в летопись всех великих исканий русского народа в замечательном XVII веке. Куда только не прошел и не проплыл русский человек!

Открытие пролива между Азией и Америкой и последующее неизбежное обретение Большой Земли за туманным, пенистым Анианом было только начальным звеном в цепи великих исканий и открытий. Звенья этой цепи протянулись всюду.

Вслед за Дежневым на Тихий океан пришли Беринг и Чириков, Гвоздев и Федоров, Шелихов и Баранов, Кусков и Лисянский. Беллинсгаузен и Лазарев достигли льдов Южного полюса.

Аляска, Калифорния, Гавайи, Океания, Новая Гвинея, Огненная Земля, Антарктика, – где только не побывали русские люди! Заселение ими побережья Северо-Западной Америки вызвало к жизни кругосветные морские походы.

Вот почему поистине великим должен считаться тот день, когда колымский деревянный кит, крепко сшитый ивовым корнем, появился у черного морского мыса на рубеже между Азией и Америкой.

1947-1948